

СЕКРЕТНАЯ
ЛАБОРАТОРИЯ

ОТ ХЛОРА И ФОСГЕНА ДО «НОВИЧКА»

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

Секретная лаборатория

Лев Федоров

**От хлора и фосгена до
«Новичка». История советского
химического оружия**

«Алисторус»

2019

УДК 001
ББК 72

Федоров Л. А.

От хлора и фосгена до «Новичка». История советского химического оружия / Л. А. Федоров — «Алисторус», 2019 — (Секретная лаборатория)

ISBN 978-5-907024-87-8

Когда в мае 1918 года в Красной Армии была создана военно-химическая служба, то по «наследству» ей достались запасы баллонов с двумя отравляющими газами – хлором и фосгеном. В 1921 году в СССР начался процесс создания индустрии производства химического оружия, которая только в годы «холодной войны» произвела более 60 тыс. тонн боевой отравы, многие виды которой по своим параметрам значительно превосходили американские аналоги. Впервые будет рассказана история советского военно-химического комплекса, большинство тайн которого так и не смогли раскрыть западные разведки.

УДК 001
ББК 72

ISBN 978-5-907024-87-8

© Федоров Л. А., 2019
© Алисторус, 2019

Содержание

Введение	5
Долгий путь к химической войне	7
Глава 1. Химия как оружие революционной армии	8
1.1. Первая мировая	9
1.2. Химическое наследие Российской империи	11
1.3. После большевистского переворота 1917 г	13
1.4. Красной отравой – по врагам советской власти	19
1.5. Военная химия Страны советов и кухарок	25
1.6. Начиналось с великого химика Ипатьева	31
1.7. Военная химия в контексте первых пятилеток	39
1.8. Дом, который построил Фишман	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Лев Федоров

От хлора и фосгена до «Новичка».

История советского химического оружия

Введение

*И под божественной улыбкой
Уничтожаясь на лету,
Ты полетишь, как камень зыбкий,
В сияющую пустоту...*

Александр Блок

В России происходит¹ ликвидация запасов одного из самых варварских видов оружия массового уничтожения – химического [1–10]. И это хорошо – миру без советского химического оружия будет много спокойнее. Гражданам России – тем более. Однако не все так просто. Как известно, наша держава – это страна с непредсказуемым прошлым и с формировавшейся веками безответственной бюрократией. Неудивительно, что наше общество совсем не знает, когда, как и зачем химическое оружие против людей, растительности и животных у нас появилось. И когда появилось биологическое оружие. И нужны ли нам были эти виды оружия массового уничтожения. И во что обошлись нынешние и прошлые запасы химического оружия. И каковы медицинские и экологические последствия долголетней и тайной эпопеи по овладению этим жесточайшим оружием наступательной войны.

О существовании в Советском Союзе химического оружия, нацеленного против людей, его собственным гражданам власти сообщили лишь в 1987 г. [11]. Параллельно с «вероятным противником». Об оружии против растительности и животных сообщать не стали. О биологическом оружии – тоже. Естественно, 70-летним утаиванием факта обладания химическим оружием руководители Советского Союза сделали химическое оружие, равно как и биологическое, политически бесполезным – не объявив его миру, они обесмыслили его ценность в качестве оружия сдерживания в «холодной войне» и вообще в противостоянии Западу (что не мешало советскому химическому и биологическому оружию оказаться мощным оружием против самих себя). И уж тем более власти никогда не признавали существования в Стране Советов гигантского, безответственного и в высшей степени прожорливого военно-химического комплекса, от рождения своего нацеленного на наступательную химическую войну [1, 2, 12, 13].

К прискорбию, в вопросах химического оружия зарождавшаяся в СССР на рубеже 80–90-х гг. гласность обернулась пустопорожней псевдогласностью. Грошова официальная информация о советском химическом оружии давалась главным образом военно-химическим истеблишментом и его подручной прессой [14–33], и была она чаще всего на уровне полуправды, а то и просто лжи. Да и разыскания разведок Запада были не более достоверны [34–36]. А вот альтернативные точки зрения вызвали активное отторжение властей [33].

Вот почему нам пришлось поднять брошенную властями перчатку и попытаться дать обществу реальную картину событий советского химического вооружения. Причем не только картину многолетней и дорогостоящей подготовки к наступательной химической войне, но и

¹ Книга была написана в 2009 г. – Прим. ред.

анализ тягчайших экологических последствий этой авантюры. Первые материалы были опубликованы [1–5, 12, 13, 37–54].

Ныне мы предлагаем читателям наиболее полную реконструкцию событий советского химического вооружения, к прискорбию, более чем грустную по достигнутым советской властью результатам. Ибо сказано: великое знание – многие печали. Бывший работник КГБ СССР В. Н. Митрохин (1922–2004) предпослал изданию в 1999 году первого тома своей книги выкраденных им из недр КГБ документов такие слова: «Посвящается всем, кто хотел сказать правду, но не сумел». По части химического оружия в поисках правды в наши дни можно уже обходиться без подвигов, воспользовавшись доступными документами советских архивов. Остается лишь следовать правде реальных событий и не пытаться ее скрывать.

Итак, читатель, вперед. Отодвинем в сторону пропагандистские поделки и заглянем в реальные документы и другие материалы. После появления на свет двух важнейших документов XX века – принятого в 1925 году в Женеве «Протокола о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств» [55, 56] и подписанной в 1993 году в Париже «Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении» [57, 58] – секреты прошлого химического вооружения потеряли всякий смысл. На первый же план вышло совсем другое – социально-экологическая составляющая так и не состоявшейся советской наступательной химической войны.

Долгий путь к химической войне

История подготовки Страны Советов к наступательной химической войне, которая обрела все признаки войны тотальной, до наших дней не известна ее гражданам. О биологической войне – тоже.

Нет сомнения, что эта история – лучшее подтверждение мысли восторженного поэта, что «начинается Земля, как известно, от Кремля». Однако, оставляя за Кремлем прямую ответственность за бессмысленное желание обладать всеми средствами нападения на чуждый ему мир, включая оружие химическое и биологическое, будем помнить, что неистощимым мотором подготовки к той войне была все-таки Красная/Советская армия, ее агрессивный и часто безответственный генералитет.

Становление военно-химической доктрины происходило в Красной армии по мере ее развития и технического оснащения. Единственное, в чем у Реввоенсовета и иных органов военного командования не было никаких сомнений, так это в целях развития военно-химического дела. Начиная с 20-х гг. и перед военно-химической службой, и перед химическими войсками ставились, в первую очередь, **наступательные задачи**. Впрочем, это обстоятельство обществу не было известно никогда. Не известно и сейчас. Во всяком случае, в брошюре, посвященной 75-летию российских/советских химических войск, не нашлось ни слова об отечественном наступательном химоружии – все больше про защиту от химоружия заграничного, а также про огнеметы и дымопуски [32]. Поэтому цитировать этот текст не имеет смысла, если учесть, что та самая наступательная функция наших химических войск стала несколько ослабевать лишь в последние годы XX века.

Можно было бы все это забыть и не ворошить прошлое, как призывает нас страдающий амнезией военно-химический генералитет, если б не серьезная проблема: дорогостоящая и многообразная деятельность армии и промышленности по подготовке к наступательной химической войне против людей, растительности и животных «вероятного противника» имеет прямое отношение к нынешним невеселым реалиям. А именно – к экологической обстановке в России и странах, составлявших некогда могучий Советский Союз.

Прежде чем перейти к предмету, оговоримся, что, говоря об ответственности армии, мы не имеем в виду ее солдат и трудяг-офицеров, коим бездну лет не везет на получаемые приказы. Речь о многочисленном племени генералов и полковников, требовавших от вскормившей их Родины слишком многого, а ныне не устающих говорить с трибун о «защитной» функции армии.

В этой книге мы попытаемся нарисовать картину той бессмысленной истории. К сожалению, масштабная подготовка к наступательной химической войне оказалась очень разорительной для не так уж богатой страны. И это очевидно. Однако представлялось важным оценить также и последствия для людей и для земли нашей страны той подготовки к ненужной войне.

Глава 1. Химия как оружие революционной армии

*Кухарку приставили как-то к рулю.
Она ухватилась, паскуда.*

Булат Окуджава

Советские энтузиасты химической войны с великим тщанием избегали света рампы. И преуспели в этом. Однако в наши дни имеются все возможности отвлечься, наконец, от навязываемых обществу пропагандистских брошюр [32] и более академичных изданий [34] и попытаться воссоздать реальную историю подготовки советской страны к наступательной химической войне.

Речь идет о возможности широкого привлечения имеющихся документов.

Относительно истории советского химического вооружения между двумя мировыми войнами в настоящее время можно опереться на тысячи архивных документов, относящихся ко всем сторонам проблемы: и об осмыслении военно-химического дела как такового [59–73], и о создании целостной системы химического нападения [74–119], о формировании и развитии военно-химической инфраструктуры (военно-химической службы [120–137], химических войск [138–144], лабораторий, институтов и полигонов [145–179], о создании и испытании различных видов отравляющих веществ (ОВ) [180–210] и вообще химического оружия (сухопутных войск [211–218], артиллерии [219–225], авиации [226–271], общих требований к нему [272–286] и других обобщающих материалов [287–293]), об обучении тонкостям химического нападения и вообще ведения наступательной химической войны [294–366], о создании и функционировании индустрии химического нападения [367–456], о накоплении [457–482] и обращении с тоннами химического оружия [483–514], о медицинском [515–607] и экологическом [608–666] аспектах проблемы вовлечения в оборот множества отравляющих веществ. Имеются даже документы о деталях советской военно-химической дружбы с разными странами [667–682] и о разведывательной [683–696] и контрразведывательной [697–706] активности советской власти при подготовке к химической войне.

1.1. Первая мировая

Один из самых читаемых авторов – фантаст Жюль Верн – умер весной 1905 г., за 10 лет до начала химической войны, так и не предсказав ее. Очень уж невероятной была та идея. Даже для такого фантаста. Между тем именно поля сражений Первой мировой войны 1914–1918 гг. стали серьезным полигоном по применению химоружия в качестве средства разрешения военно-политических споров. На тех полях, как свидетельствуют специалисты [7–10], химическая война впервые была реализована в серьезных масштабах, на них же она, по существу, и закончилась. Хотя в последующие годы отмечались неоднократные попытки проведения боевых действий химическими средствами.

Итак, пройдемся по страницам химической истории.

Первый опыт боевого применения **хлора** в качестве нестойкого ОВ (НОВ) был поставлен еще 19 января 1915 г. недалеко от польского местечка Болимов, западнее Варшавы. ОВ было использовано в артиллерийских снарядах. В силу ряда обстоятельств та попытка химической атаки была сочтена «неудачной». Для историков первым эффективным боевым применением НОВ в Первую мировую войну считаются события 22 апреля 1915 г. вблизи Ипра (Бельгия). В тот день армия Германии использовала в качестве средства нападения 168 т хлора, выпущенного примерно из 6 тыс. баллонов на участке протяженностью 6–7 км. Метеорологические условия и особенности рельефа благоприятствовали планам нападающих: ветер дул в сторону позиций Франции, а низины и овраги создавали карманы, где накапливалось облако газа. Считается, что это была одна из самых эффективных газовых атак по числу погибших на единицу веса ОВ («удельная смертность» достигала 30 человек/т хлора). Во время той атаки в первые же часы погибло 5–6 тыс. французских военнослужащих, а 15 тыс. получили поражения различной тяжести (многие умерли в госпиталях). Самого Ипра, располагавшегося в 5 км, облако ядовитого хлора, впрочем, не достигло.

Всего в годы той войны Германия произвела для боевых целей 87 тыс. т хлора. Поскольку вскоре после первой хлорной волновой атаки они начали себя исчерпывать, на смену чистому хлору пришли его смеси с иными ОВ. Атака такого рода случилась в следующем месяце, **31 мая 1915 г.**, когда немецкая армия применила в качестве **НОВ** удушающего действия 264 т смеси хлора с фосгеном. Химоружие в тот день было использовано против войск России, чьи позиции располагались в междуречье Равки и Бзуры близ Варшавы. Пострадало около **9000** человек, из них свыше **1000** – со смертельным исходом. Один из сибирских полков, занимавший первую линию окопов, потерял свыше 90 % состава. В конце того года, 19 декабря, немецкая армия применила фосген против британских войск – зимние условия способствовали «эффективности» боевого использования этого высоко летучего НОВ. Британцы не остались в долгу и «ответили» фосгеном полгода спустя – в июне 1916 г. Французская армия вступила в химическую войну тоже с некоторым опозданием. Это произошло 15 мая 1916 г., когда средствами артиллерии было применено еще одно смесевое НОВ – фосген, смешанный с четыреххлористым оловом и треххлористым мышьяком, которые использовались для пристрелки. В целом историки зафиксировали 23 случая применения фосгена путем газобаллонных атак (в смеси с хлором), а также 43 случая артобстрела снарядами: 19 раз в снаряжении только фосгеном и 24 раза – фосгеном в смеси с хлором.

Приоритет в применении **дифосгена** – НОВ удушающего действия – принадлежит Германии. Это случилось в июне 1916 г., а противником были французские войска под Верденом. Тот факт, что дифосген менее летуч в сравнении с фосгеном, способствовал «эффективности» химической атаки, несмотря на летние условия. Очередной принципиальный шаг в химической войне принадлежал Франции, чья армия впервые применила 1 июля 1916 г. **синильную кислоту**. Перенос нового НОВ общедовитого действия (оно применялось в арт-

снарядах в смеси с треххлористым мышьяком; это называлось смесью «венсенит») из бытовых условий, когда мишенью были лишь отдельные индивидуумы, на поля сражений дал серьезный «эффект». Во всяком случае до конца войны французская армия применила около 4 тыс. т синильной кислоты [6].

Армия России вступила в наступательную химическую войну, по существу, последней среди ее лидеров. В августе 1916 г. она впервые применила для боевых целей **хлорпикрин** – новое НОВ удушающего и раздражающего действия. В том же году армия Германии использовала хлорпикрин в смеси с дифосгеном.

В июле 1917 г., когда российской армии было уже не до химической войны (в начале марта отрекся от престола ее Верховный главнокомандующий), очередные принципиальные шаги совершила Германия. Так, 10 июля 1917 г. германская армия осуществила артиллерийский обстрел, в ходе которого был использован **дифенилхлорарсин** – новое ОВ раздражающего действия.

Настоящий поворот в организации химической войны произошел, однако, в ночь с 12-го на 13 июля 1917 г., когда состоялось первое боевое применение немецкими войсками **иприта** (горчичного газа). Это стойкое ОВ (СОВ) кожно-нарывного действия было использовано в боях под Ипром. В той классической химической атаке, которая привела к срыву подготовленного англо-французского наступления, было выпущено 50 тыс. артснарядов, содержащих 125 т иприта. Поражения различной степени получили 2490 человек, из которых 87 погибли.

Ипритная сторона той химической войны получила серьезное развитие. Так, немецкая промышленность за годы Первой мировой войны поставила своей армии около 7,5 тыс. т иприта (включая хлорбензол как растворитель), а общее количество артснарядов в снаряжении ипритом составило 38 млн шт. Не отставали и союзники – Франция и США наладили выпуск иприта в течение года после июльской атаки 1917 г. Лишь Россия не включилась в ту гонку – ей тогда было не до «химии». В общей сложности за годы войны сторонами было использовано 12 тыс. т иприта, а пострадало от него, по разным оценкам, от 61,5 до 400 тыс. человек, в том числе 1130 человек – со смертельным исходом.

Однако лидером была Германия. Некоторые историки не без оснований полагали, что лишь отсутствие основного сырья для изготовления иприта – серы из Италии – не позволило Германии победить своих противников и выиграть химическую (и всю Первую мировую) войну. И это предположение недалеко от истины. Во всяком случае, к концу войны ежемесячное производство боевых ОВ составляло: по фосгену и дифосгену – 630 т, по иприту – 300 т, по хлорпикрину – 200 т. В целом за войну Германия произвела 75 тыс. т боевых ОВ и 34 млн артиллерийских химических снарядов и не подавала признаков усталости.

Заканчивая краткий экскурс в историю Первой мировой (и первой химической) войны, подведем некоторые химические итоги Первой мировой войны. Всего с обеих сторон было применено около 125 тыс. т различных ОВ. Использовалось не менее 45 химических веществ, в том числе четырех, относящихся к числу кожно-нарывных, 14 – удушающих и не менее 27 – раздражающих [7]. Всего в ту войну было использовано свыше 20 производных хлора (помимо упомянутых, это хлорацетон, дихлорметилловые эфиры хлоругольной кислоты, этиловый эфир хлоругольной кислоты и другие) и очень много производных мышьяка. Потери от химоружия составили примерно 1,3 млн человек, в том числе около 100 тыс. человек – со смертельным исходом [7]. Большая часть этих массовых потерь приходится на период с лета 1917 г. до осени 1918 г., когда армия России в химической войне уже не участвовала – у нее были другие проблемы.

1.2. Химическое наследие Российской империи

Итак, откуда в России взялось химическое оружие?

Красная армия унаследовала его от армии Российской. События, которые были связаны с принятием удушающих средств (УС; именно такая аббревиатура применялась в те далекие годы) на вооружение армии дореволюционной России и с подготовкой к их применению, были естественным отражением событий на фронтах Первой мировой войны.

Обозначим несколько дореволюционных вех.

Как уже упоминалось, русская армия серьезно пострадала 31 мая 1915 г. от масштабной немецкой химической (фосгеновой) атаки в районе Варшавы.

Страницы истории:

«Когда в первый раз немцы выпустили на нас газы под Варшавой... мне было срочно приказано отправляться на фронт и осмотреть последствия этой газовой атаки... После детального обследования... решено было принять целый ряд предварительных мер для того, чтобы газовые атаки не могли приносить таких потерь в наших войсках, а затем в ставке главнокомандующего было решено разработать ряд мер к немедленному изготовлению ядовитых газов, чтобы ответить противнику тем же... В Петрограде было собрано совещание из профессоров и техников, чтобы намечать... ядовитые вещества, которые можно было бы приготовить незамедлительно... Все те обещания, которые были даны относительно срока приготовления фосгена и хлора, оправдались; эти газы в скором времени были отправлены на фронт в надлежащих количествах. Кроме того, на Сергиевском полигоне в Петрограде были организованы опыты стрельбы с новыми ядовитыми веществами... Было изготовлено большое количество цианистых соединений, которые употреблялись для снаряжения артиллерийских снарядов...»

Академик В. Н. Ипатьев, 1923 г. [65]

Нетрадиционная гибель множества солдат произвела на руководство армии России большое впечатление. Во всяком случае, уже 1 июля 1915 г. артиллерийское ведомство заказало Товариществу механических изделий (Иваново-Вознесенск) производство 600 пудов жидкого фосгена, что и было исполнено к 16 июля 1916 г. А 31 января 1917 г. был заключен новый контракт на поставку 4000 пудов фосгена, который, впрочем, «повис» в силу возникновения вскоре новых исторических реалий (справедливости ради отметим, что поняли серьезность этого в артиллерийском ведомстве лишь со временем – отказ от контракта состоялся 5 декабря 1917 г., уже в другой стране).

К мысли, что только своими силами с новой – химической – угрозой не справиться, артиллеристы пришли не сразу. Отсчет работы первого специального химического органа армии России – Комиссии по изысканию и заготовлению удушающих и зажигательных средств – начался 23 декабря 1915 г., когда был утвержден ее штат (пожалуй, поздновато, если учесть, что немецкая химическая атака против российских войск состоялась 31 мая). Вновь созданный орган (на первых порах главным образом снабженческий) довольно скоро сумел решить первую задачу химической войны – мобилизацию частной промышленности на обеспечение первостепенных потребностей армии в химоружии (организовать выпуск химоружия в более близкой армии казенной промышленности вряд ли было возможно). Одним из результатов деятельности комиссии стало внимание к хлорным производствам заводов в Лисичанске и Славянске (завод «Электрон»), в результате чего в годы Первой мировой войны на складах рос-

сийской армии в прифронтовой полосе временами хранилось в одном месте до 12 тыс. больших баллонов Е-70 с хлором. И хлор активно применялся в наступательных целях.

Перед концом войны в России был резко расширен и выпуск фосгена на заводах Москвы (завод «Фосген» № 1, Триумфальная площадь, руководитель – проф. Е. И. Шпитальский, производительность – 120 пудов в сутки; «Фосген» № 3, шоссе Энтузиастов) и Тамбова («Фосген» № 2). Завод на шоссе Энтузиастов выпускал венсенит, то есть смесь синильной кислоты (вещества «Х»; выпуск синильной кислоты был начат после получения соответствующей информации от французской армии) с треххлористым мышьяком (производительность – 120 пудов в сутки), а также хлорциан (1 пуд в сутки). А в снаряжательной мастерской того завода происходило наполнение химических гранат жидкими УС (производительность – 4–5 тыс. шт. в сутки). На многих химзаводах был налажен выпуск хлорпикрина (завод Улятовского, фабрика Релле, завод Афанасьева, Жилевский завод Лепешкина, завод Кочеткова). Производство цианидов калия и натрия было налажено на заводе Тагера. Все это позволило армии создать запас синильной кислоты для снаряжения артснарядов, а также хлорпикрина [367].

До иприта (горчичного газа) в ту войну в армии России дело не дошло.

Вопросы применения нового оружия потребовали организационного подкрепления. И менее чем через полгода, 7 апреля 1916 г., Военный совет учредил Химический комитет как орган руководства военно-химическим делом в Российской армии. И до 1917 г. этот орган обеспечивал решение военно-координационных задач. Основу Химического комитета (Химкома) Российской армии составили артиллеристы, а возглавил его академик-химик В. Н. Ипатьев (1867–1952), который осуществлял связь армии с наукой и промышленностью [59]. Чтобы больше не возвращаться к этой теме, напомним, что самое точное определение этого русского патриота – великий русский ученый. И можно лишь сожалеть, что в результате неуклюжих действий руководства Советского Союза и его мелких сошек В. Н. Ипатьев был выдвинут в 1927 г. из страны и на долгие годы забыт у себя на родине. Весь свой мощнейший талант В. Н. Ипатьев обратил на развитие химической промышленности США, где он стал жить с 1930 г.

Действовал Химком весьма активно. В частности, его газовый отдел (2-й) был занят изысканием новых ядовитых средств, испытанием артиллерийских химических снарядов, заготовкой для армии и ОВ, и химических снарядов. В те месяцы в армии для выполнения газобаллонных атак было сформировано 14 химических рот. В каждой роте полагалось иметь 3000 баллонов Е-70 с ядовитым газом (всего около 5250 пудов газа) [120]. Химические снаряды артиллерии, накопленные на складах, датировались февралем – маем 1916 г. Были созданы и практические документы: «Указания для применения химических снарядов в бою», а также «Инструкция на хранение химических снарядов на Артскладе».

Начиная с лета 1917 г., когда на Западе развернулись особо серьезные химические бои, армия России отвлеклась на совсем иные дела.

Тем не менее принципиальные соображения, касавшиеся обеспечения боевых операций с использованием химоружия, были сформулированы в Главном артиллерийском управлении (ГАУ) в октябре 1917 г. – в дни, когда большевики готовились к захвату власти в Петрограде. Имея в виду «огромную роль химических снарядов в войнах», в ГАУ была установлена единовременная потребность артиллерии армии России в химических снарядах: 60 шт. на каждое легкое и горное орудие калибра 76 мм и на каждую 122-мм гаубицу, а также 40 шт. на каждую 152-мм гаубицу. В переводе на комплект, имеющийся при каждой батарее, это составляло на одно 76-мм орудие около 35 %, для 122-мм – около 50 % и для 152-мм – около 60 % (в среднем на каждое орудие вне зависимости от калибра – около 50 %). Помимо этого, каждый месяц планировалось обеспечивать заготовку артхимснарядов в половинном против указанного количества [120].

1.3. После большевистского переворота 1917 г

За переломным 1917 годом наступил следующий. И в рамках логики политической борьбы, начиная с 1918 г., химоружие России нашло иные цели. С решения внешних военных задач оно было обращено на внутренние: химоружие перешло во вновь созданную Красную армию, где и продолжило свою боевую службу. К военно-химическим проблемам, в том числе к инвентаризации унаследованных запасов химоружия, армия обратилась вскоре же после своего организационного оформления в начале 1918 г. Впрочем, в силу военных обстоятельств деятельность этой службы началась не совсем по ожидаемому сценарию, поскольку положение на фронтах тогда было отчаянным.

Дело в том, что 23 февраля 1918 г. молодая Красная армия вовсе не давала решительного отпора немецким оккупантам под Псковом и Нарвой, как учили многие поколения советских людей «Краткий курс истории ВКП(б)» и лично товарищ И. В. Сталин-Джугашвили (1879–1953). Реальные события были противоположны. 23 февраля 1918 г. ВЦИК под председательством Я. М. Свердлова (1885–1919) принял продиктованные Германией условия безоговорочной капитуляции («похабный мир» в Бресте). Утром 24 февраля глава советского правительства В. И. Ульянов-Ленин (1870–1924) передал это решение в Берлин. Аналогичные события происходили и на фронте. 23 февраля 1918 г. большевики объявили Псков на осадном положении, но защищать его не стали и 24 февраля без боя сдали немецкому отряду численностью не более 200 человек. В тот же день пали Юрьев и Ревель (ныне – Тарту и Таллин). А 4 марта немецкий отряд без боя занял брошенную большевиками Нарву. У новой власти были иные заботы. Вечером 10 марта поезд с В. И. Лениным и другими руководителями покинул Петроград и двинулся по железной дороге в Москву. В общем, нестигаемым марксистам-ленинцам было о чем поговорить на VII съезде РКП(б), состоявшемся в марте. Неудивительно, что 29 мая 1918 г. появился декрет ВЦИК «О принудительном наборе в Рабоче-крестьянскую Красную армию».

Именно в те дни стало ясно, что без военно-химического органа вновь созданной Красной армии не обойтись. И 16 мая 1918 г. народный комиссариат по военным делам утвердил постановление своего Военно-хозяйственного совета о расформировании двух органов военно-химической службы старой армии России – Химического комитета и Комиссии по изысканию и заготовлению ОВ и зажигательных средств. Вместо них был образован один орган – IX (химический) отдел Артиллерийского комитета (Арткома) ГАУ новой, Красной армии [122]. Однако при оставлении в армии чисто артиллерийской части военно-химического дела не была забыта и производственная сторона работы по химическому вооружению. Теперь эта деятельность осуществлялась в рамках нового хозяйственного органа – Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), где и продолжили свою активность оставшиеся на своих местах уполномоченные старого Химкома на гражданских предприятиях. А при научно-техническом отделе ВСНХ впоследствии была создана специальная Комиссия по газовому и противогазовому делу. Задачи IX отдела включали, среди прочего, наблюдение за безопасным хранением запасов артхимснарядов и самих ОВ, выбор образцов средств газовой борьбы (так в те годы именовалась химическая война) и их заготовку, подготовку для промышленности мобилизационных планов с целью снабжения армии необходимыми средствами ведения химической войны [122]. Постановление Военно-хозяйственного совета было канонизировано 26 мая 1918 г. опубликованием в «Известиях ВЦИК советов». Что до руководства вновь образованным органом управления военно-химическими делами, то новаций не случилось. Хотя армия была новая, химическое дело для революционных «кухарок» было еще более новым. Поэтому принципиальных изменений в кадрах образованной службы не произошло, и руководителем

IX (химического) отдела Арткома Красной армии был назначен проф. А. А. Держкович – полковник Российской армии и профессиональный инженер-артиллерист.

Так день 16 мая 1918 г. стал днем рождения и военно-химической службы, и химических войск Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). И заниматься эта служба начала в первую очередь выбором и заготовкой средств ведения химической войны, а не только учетом и хранением военно-химического имущества, оставшегося от старой армии, как обычно пишут пропагандисты [32].

За демонстрацией активности вновь образованной службы дело не стало. Уже 10 августа 1918 г. состоялся доклад начальника ГАУ РККА главному начальнику снабжения Военного министерства РСФСР о состоянии дел в области газовой борьбы [120]. Он был связан с решением наркома по военным делам тех дней 26-летнего большевика Э. М. Склянского (1892–1925) о восстановлении и развитии деятельности технических артиллерийских заведений. Среди прочего молодому руководителю, который еще только начинал свой шестилетний путь курирования военно-химического дела, были доложены некоторые сведения о реальном положении дел. Считалось, что на тот момент на артиллерийских складах страны хранилось около 270 тыс. химических снарядов в Москве и 125 тыс. в Тамбове, а на отделении Центрального склада УС (ЦЕНТРУС) в Очакове (тогда это были окрестности Москвы) имелось примерно 57 тыс. пудов ОВ в 32 726 баллонах [120]. Однако IX отдел Арткома ГАУ РККА не ограничился лишь инвентаризацией царского военно-химического наследия, а начал осуществлять активные практические действия, касающиеся и испытаний нового химоружия, и организации в новой армии всей военно-химической службы [145, 294, 459].

И хотя 5 сентября 1918 г. декретом советской власти был объявлен «красный террор» и Г. Е. Зиновьев (Радомысльский-Апфельбаум, 1883–1936) призвал «разрешить всем рабочим расправляться с интеллигенцией по-своему, прямо на улице» (только за сентябрь 1918 г. было расстреляно 2600 человек), артиллерийская военно-химическая интеллигенция еще ничего не боялась. И она наращивала свою активность. Именно в рамках той активности 26 сентября 1918 г. IX отдел решил организовать в районе деревни Кузьминки (недалеко от Москвы) первый полигон для проведения полевых испытаний химоружия – **Опытный газовый полигон (ОГП)** Арткома Красной армии. Задача – проведение «опытов полевого характера с целью испытания и изучения ядовитых и удушающих веществ, применяемых для выпуска из баллонов, и для снаряжения химических снарядов». Были и другие задачи: «практическое ознакомление курсантов инструкторских курсов с приемами газовой борьбы», а также «окуривание войсковых частей» [145]. Практика тех дней была такова, что решение Военно-законодательного совета на сей счет появилось лишь 15 ноября 1918 г. («разрешить ГАУ организовать опытный газовый полигон»), а утверждено заместителем председателя Революционного военного совета Республики (РВСР) Э. М. Склянским (в прежней жизни – врачом) оно было лишь 28 ноября, после чего и обрело силу закона [145].

Между тем нужды в военно-химическом полигоне уже не было – 11 ноября 1918 г. в Компненском лесу немецкая делегация подписала капитуляцию, и Первая мировая («химическая») война закончилась. Зато в ГАУ РККА 13 ноября 1918 г. приказом РВСР была создана целая химическая служба, которая, впрочем, вплоть до 1920 г. не заработала [32]. Известно, что москвичам по случаю первой годовщины Октябрьской революции был выдан праздничный паек (2 фунта ржаного хлеба, 0,5 фунта сладостей, 2 фунта рыбы, 0,5 фунта сливочного масла и 100 шт. папирос). Знали бы они, что получили от советской власти еще и подарок в виде военно-химического полигона, который просуществовал в этом месте вплоть до 60-х гг.! А химоружие на нем закопано и поныне [659]. В 1918 г. у армии еще не было намерений проводить артиллерийские и авиационные испытания химоружия, однако через несколько лет дошло и до переименования ОГП в АГП – Артиллерийский газовый полигон [145]. И до более сложных опытов, чем просто пуски хлора и фосгена из баллонов.

Несколько позже, 5 декабря 1918 г., были открыты Московские курсы военной газотехники. Так была названа военно-химическая школа Красной армии, предназначавшаяся для подготовки кадров для химической войны. Здесь за дело взялись рьяно, и уже в конце марта 1919 г., после окончания VIII съезда РКП(б), испросили разрешение на «выход в поле для упражнений с газовой батареей, каковые упражнения закончатся показательным пуском газа (хлора) из четырех баллонов типа Е-70». Для своих занятий те курсы облюбовали Ходынкское поле близ Москвы, недалеко от крупнейшего артсклада. Разрешение им было дано с тем лишь уточнением, что «баллоны устанавливаются не ближе полуверсты от пороховых погребов» [294]. Впрочем, продолжались те газовые атаки на Ходынке не так уж долго – 9–12 мая 1920 г. артсклад полностью сгорел.

Уже в январе 1920 г. курсы были преобразованы в Высшую военно-химическую школу (ВВХШ) [151], а с 1924 г. – в Химические курсы усовершенствования командного состава РККА (ХКУКС). Именно вокруг ВВХШ-ХКУКС стали собираться специалисты, занимавшиеся подготовкой к наступательной химической войне. Не будем забывать, что Европа тем временем постепенно приходила в себя – свидетельство тому открывшийся 22 августа 1920 г. в Зальцбурге театрально-музыкальный фестиваль, успешно существующий поныне.

Тем временем не мог не возникнуть вопрос: «А как вообще относиться к химическому нападению и следует ли считать химоружие естественным средством вооруженной борьбы?» Во всяком случае, в феврале 1919 г. IX отдел Арткома ГАУ еще раз проанализировал размещение ОВ по стране, чтобы иметь более четкое представление о проблеме «в случае возобновления деятельности заводов с целью снабжения фронта УС». Выяснилось, что, помимо тысяч баллонов с ОВ на складе в Очакове, они во множестве хранились и в иных точках страны. В частности, в Московском регионе баллоны Е-30 и Е-70 в наполнении ОВ хранились на заводах Беккеля (нынешний ГСНИИОХТ), Ватреме и Рабенек (будущий Щелковский химзавод), а в районе Средней Волги – на Бондюжском заводе Ушкова, заводе Сингеле (Симбирская губерния) и Казанском фосгеновом заводе. И не во всех случаях отравляла хранилась в более совершенных баллонах Е-70, в ряде случаев использовались устаревшие и опасные баллоны Е-30.

Тогда же началось упорядочение хранения на артиллерийских складах химических боеприпасов. В табл. 1 названы артсклады тех лет, которые просуществовали недолго, были ликвидированы в 20-х гг. и в которых в те годы хранились химбоеприпасы. Остальные склады будут рассмотрены ниже.

Табл. 1. Старые склады артиллерийского химического вооружения

Населенный пункт	Регион	Номер склада	Даты	
			Образование	Ликвидация
Архангельск				1922
Балезино	Удмуртия			1920-е
Владивосток		42		1922
Георгиевск	Ставропольский кр.			1925
Глазов	Удмуртия			1920-е
Днепропетровск				1925
Екатеринбург				1925
Иваново			1918	1925
Казань-Юдино		43		1926
Киржач	Владимирская обл.			1926
Киров (Вятка)			1918	1923
Ковров	Владимирская обл.	69	1918	1928
Кострома			1918	1925
Купянск	Харьковская обл.			1925

Лихославль	Тверская обл.		1918	1923
Моршанск	Тамбовская обл.		1918	1920-е
Москва- Лефортово		47	1918	1927
Муром	Владимирская обл.			1926
Орел			1918	1922
Орша	Витебская обл.			1923
Софрино	Московская обл.		1918	1922
Сталинград		61		1928
Тамбов		35	1918	1928
Тула			1918	1926
Челябинск		58	1918	1927
Шилово	Рязанская обл.		1918	1922
Шуя	Ивановская обл.		1918	1925

16 апреля 1919 г. IX отдел Арткома обсуждал «допустимость хранения удушливых газов в баллонах на складах» [459]. Происходили и другие события. В целом же именно весной-летом 1919 г. было решено: «химическому нападению – быть». Приход к тому решению осуществили в ряд этапов, по бюрократическим правилам тех лет [458, 483]. Причем трудно сказать, кто именно задал основной толчок – идея химической войны носилась в воздухе.

Из старого документа:

«Главное артиллерийское управление

Прошу срочно сообщить, какие заводы могут теперь вырабатывать химгазы и с какой производительностью, кроме Славянского и Лисичанского, а также какие имеются металлургзаводы, вырабатывающие газоарматуру, помимо Никополь-Мариупольского.

Инсартреввоенсов Шейдеман, 19 мая 1919 г.» [367]

Еще 8 мая 1919 г. начальник снабжения РККА испросил у заместителя председателя РВСР Э. М. Склянского указания, «следует ли считать удушающие средства боевым оружием и применять его в Красной армии», потому как в случае положительного ответа именно он должен был озаботиться пополнением запасов ОВ [121]. Дополнительный импульс задал 19 мая 1919 г. запрос с фронта Ю. М. Шейдемана – инспектора артиллерии Полевого штаба Красной армии и бывшего генерала армии царской. На вопрос, какие заводы могли производить ОВ и с какой производительностью, он получил от начальника ГАУ немедленный и исчерпывающий ответ. В нем говорилось, что на заводах химоружия, переданных в мае 1918 г. в ведение ВСНХ, «возможно возобновление трех групп производств: хлора, хлорпикрина, фосгена». Ежедневная производительность заводов на момент остановки выпуска: Симбирского – 40 пудов, Саратовского – 20, Ушкова в Бондюгах – 60, Афанасьева – 100 (хлорпикрин), Кочеткова – 30 (хлорпикрин), Жилевского – 40 (хлорпикрин), Улятовского – 15 (хлорпикрин), Ралле – 50 (хлорпикрин), Шустова – 100 (фосген), Гандурина – 20, Казанского – 20. И не так важно, что цифры эти не всегда были точны: назывались они на память теми, кто занимался производством ОВ еще в предыдущую войну [367].

Не были забыты и конкретные вопросы. 22 мая начальник Полевого штаба РВСР Ф. В. Костяев известил управление делами РВСР о своей точке зрения на «запрос о допустимости и желательности применения в настоящей войне удушающих средств». Он подчеркнул, что «случаи применения выпуска газов... возможны... для тех только участков фронтов, где боевые действия носят характер позиционной войны (Карельский перешеек)» (следствием того тактического анализа было практическое решение лета 1919 г.: «формирование химических команд не предусматривалось» – из-за динамичности фронтов). Что касается количества ОВ, то в письме было указано на «необходимость иметь их запас примерно 20 000 пудов», хотя авторы (по правилам тех лет начальнику штаба ассистировали еще двое – комиссар штаба С. И. Аралов и инспектор артиллерии Ю. М. Шейдеман) уточнили попутно нежелательность воз-

обновления производства ядовитых газов в Славянске и Лисичанске в силу нахождения этих мест дореволюционного производства хлора в прифронтовой полосе [121].

Еще через месяц, 17 июня, в дело вступили «знатоки» из специально созданной заместителем председателя РВСР «Комиссии по применению удушливых средств на фронте и в частности химических снарядов при управлении делами РВСР». Представители Всероссийского главного штаба, Центрального управления снабжения, Полевого штаба и ГАУ в своем документе указали, что, помимо боевых пусков ядовитых газов из баллонов (поскольку «не исключена возможность перехода к позиционной войне»), существует другой (вовсе не обусловленный очевидной дилеммой – позиционная или маневренная война) способ ведения химической войны: «применение стрельбы химическими снарядами признать вполне возможным, принимая во внимание опыт истекшей войны, характер нынешней и расход химических снарядов за последние два месяца». Комиссия констатировала фактическое наличие в РВСР химоружия: 28 тыс. пудов газов в 16 тыс. баллонах, а также снаряженных химснарядов – 8911 шт. калибра 3 дм и 8249 шт. калибра 6 дм. Было решено пока не возобновлять производство артхимснарядов, поскольку имевшегося запаса снарядов калибров 3 дм и 6 дм должно было хватить на год ведения химической войны [60].

Не бездельничали и профессионалы военно-химического дела, которые были унаследованы Красной армией: в июле 1919 г. появилась «Инструкция для хранения баллонов с удушливыми газами в мирное и в военное время» [483]. А дальше дело не могло не дойти до верховной военной власти – РВСР, который принял решение тоже после предварительного анализа. Сначала на заседании, состоявшемся 26 июля 1919 г. (участники: Э. М. Склянский, С. С. Камнев, С. И. Гусев, А. И. Рыков, И. Т. Смилга и др.), РВСР обсудил вопрос «О применении удушливых газов». Чтобы иметь полную ясность, РВСР предложил «Полевому штабу войти с докладом в 10-дневный срок» [61]. Специально созданная для этого комиссия ГАУ «по вопросу о применении удушливых средств на фронте признала вполне возможным применение стрельбы химическими снарядами» [458]. Вновь вопрос «Об удушливых газах» (уже без упоминания о «применении» – с этим все было ясно) был обсужден 11 августа 1919 г. На этот раз РВСР решил постоянно иметь в армии для боевых целей 20 тыс. пудов ОВ (фактически имелось 18 250 пудов, и новых поступлений от разрушенной промышленности пока не предвиделось) [61]. Что до общей потребности РККА в артхимснарядах, то она определялась в количестве 40 тыс. шт. на месяц ведения химической войны. Подчеркнем, что всем этим химическим имуществом предполагалось оперировать как резервом Главного командования. Во всяком случае, как только в ноябре 1919 г. 9-я армия захотела получить 7000 баллонов с ОВ (предстояло участие в наступлении Юго-Восточного фронта с освобождением Миллерова и Лихой), немедленно встал вопрос, а имели ли они решение верховных военных властей [121].

Так страна встала на путь активной подготовки к химической войне.

С того памятного обсуждения на заседании РВСР [61] химоружие наряду с другими формами вооруженной борьбы стало обязательным элементом любой стратегической доктрины Красной армии и, помимо того, было готово к применению против любых «врагов советской власти» – внешних и внутренних. И в этом ключе развивалась вся организационная активность армии.

Укажем на практические дела тех дней.

8 сентября 1919 г. Артком РККА рассмотрел проблему пригодности артхимснарядов, которые хранились на многочисленных складах Московского и Ярославского военных округов. Были определены меры по определению годных химических снарядов и разрядке негодных. Работу предполагалось выполнить в военной лаборатории Московского артсклада в Лефортове (Москва) [458].

В мае 1920 г., после окончания IX съезда РКП(б), начались практические дела. Именно тогда Артком ГАУ Красной армии получил задание предложить меры «подготовительного

характера для возможного применения средств газовой борьбы». То поручение совпало с майской операцией Западного фронта в рамках советско-польской войны под руководством М. Н. Тухачевского (1893–1937). Помимо прочего, при исполнении задания были выяснены количества «годных для боевых целей» химических снарядов и баллонов с ОВ.

Подготовка к химической войне потребовала создания снаряжательной мастерской, необходимой для разлива ОВ из транспортных цистерн по боевым баллонам и химснарядам. 26 июня 1920 г. Артком выбрал место размещения этой мастерской – на Центральном складе ОВ в Очакове близ Москвы. Впрочем, М. Н. Тухачевскому в тот раз было не до «химии» – война с поляками оказалась слишком маневренной и не самой для него удачной.

Тем не менее подготовительные мероприятия продолжались.

Наиболее важное решение того периода состоялось 12 октября 1920 г., незадолго до начала заключительной операции Гражданской войны. Это было постановление РВСР (председатель – Л. Д. Троцкий), которым в Красной армии учреждалась военно-химическая служба как общая система и утверждалось «Положение об организации военно-химического дела в Красной армии» [62]. Теперь все военно-химическое дело было объединено в сравнительно целостную систему по-прежнему в рамках артиллерии. Руководство передавалось Ю. М. Шейдеману. Помогать ему в поднятии «в войсках обучения и знаний по употреблению средств газовой атаки...» должен был заведующий химической борьбой Республики (Захимресп) – таково было название должности руководителя военно-химической службы. На фронтах Гражданской войны учреждалась должность заведующего химической борьбой фронта (Захимфронт), назначавшегося «для правильного использования всех средств химической борьбы в войсках». Он, кстати, в случае необходимости мог создать на своем фронте опытный газовый полигон. И такая военно-химическая бюрократия предусматривалась до самого низа по властной армейской вертикали сухопутных войск (до моряков и тем более летчиков тогда дело еще не дошло).

1.4. Красной отравой – по врагам советской власти

Мы пока ни разу не поминали В. И. Ленина в связи с химической войной: факты его практического участия нам не известны. А вот теоретически В. И. Ленин самолично обосновал принцип, ставший нормой для только-только нарождавшегося советского Военно-химического комплекса (ВХК). Именно Ильич провозгласил ту норму на III съезде комсомола в 1920 г.: «Морально только то, что способствует победе пролетариата». И ВХК прочно усвоил этот принцип.

Однако отравы все-таки не обошла и Ильича. Известна «строго секретная» записка от 21 марта 1923 г. И. В. Сталина-Джугашвили членам Политбюро ЦК ВКП(б). В ней говорилось следующее: «В субботу 17 марта т. Ульянова (Н. К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном просьбу Вл. Ильича Сталину „о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанности достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия“». Считается, что товарищи по общему делу решили не оказывать нуждавшемуся другу такую гуманитарную помощь. Обратимся, однако, к тем случаям, когда ядовитые вещества стали элементом советской политики безо всякой просьбы.

Для периода Гражданской войны известно несколько попыток применения химоружия (например, при подавлении восстаний жителей Ярославля в 1918 г. и донских казаков в 1919 г.), однако обсуждать эту сторону событий очень трудно, поскольку данных о них очень мало.

Во время дискуссий в РВСР в июле – августе 1919 г. «об удушливых газах» [61] речь шла о принципиальной допустимости применения химоружия. И участники дискуссий оперировали только двумя системами понятий из области наземных операций: позиционная и маневренная война (до воздушной войны их аргументация еще не доходила); истекшая и нынешняя война. Они в принципе не пользовались иной, социально более ориентированной системой понятий – «война с внешним врагом» и «гражданская война со своими». И внешние, и внутренние враги страны были тогда в одном лагере – это были враги той группы лиц, которая именovala себя советской властью. В качестве исторического курьеза стоит напомнить, что английская армия в 1919 г. применила химоружие против Красной армии в России в районе Архангельска, причем без дискуссий. Важно и то, что химоружие было применено не на земле, а с воздуха: 27–28 августа было сброшено 165 химавиабомб в районе ж/д ст. Емец, 28–29 августа – 128 бомб в районе ж/д ст. Плесецкая [707]. Справедливости ради отметим, что белые войска, пригласившие англичан в Россию, в данном случае возражали против химической атаки, поскольку могло пострадать гражданское население.

Приведем, далее, примеры того, как выглядела химическая сторона ряда событий в конце Гражданской войны и после ее окончания.

Как уже упоминалось, реформа военно-химического дела, проведенная в октябре 1920 г. [62], фактически была нацелена на «химическое обеспечение» предстоящих заключительных операций Гражданской войны, закончившихся вытеснением войск генерала П. Н. Врангеля (1878–1928) из Крыма. Речь идет об организации наступления Южного фронта, которым командовал М. В. Фрунзе (1885–1925), в Северной Таврии (28 октября – 3 ноября 1920 г.) и Перекопско-Чонгарской операции этого фронта (7–17 ноября 1920 г.).

Инспекция артиллерии Полевого штаба РККА провела необходимую подготовку. Началось с того, что высший артиллерийский начальник Полевого штаба РВСР Ю. М. Шейдеман – в недалеком прошлом высокопоставленный артиллерист царской армии и знаток проблемы применения химоружия в годы Первой мировой войны – направил в Москву серию распоряжений по подготовке «химической составляющей» операции на Южном фронте, исход которой трудно было предсказать, – во всяком случае, ожидался позиционный ее этап в рай-

оне Перекопа, благоприятный для применения химических средств нападения. Были даны, в частности, распоряжения о количествах ОВ и химических боеприпасов, которые надлежало в срочном порядке направить на Южный фронт. Отдельным распоряжением было предписано оснастить химическими боеприпасами шесть вновь сформированных бронепоездов. А химотделу Арткома было предписано высказаться о тактике применения химического вооружения («об определении количества химических снарядов, могущих потребоваться на операцию одной армии»). Команда была принята советским ГАУ к исполнению [295].

Из документов [295]:

«Главначснаб

Для операций на Южном фронте прошу распоряжений теперь же подготовить к отправке 40 000 легких 3-дюймовых химических снарядов и 10 000 6-дюймовых химических снарядов. О готовности снарядов к отправлению прошу не отказать срочно уведомить.

*Инспектор артиллерии РВСР Ю. М. Шейдеман,
9 октября 1920 г.»*

«Главначснаб

Для операций на Южном фронте надлежит теперь же приготовить 10 000 баллонов с удушливыми газами. О готовности баллонов к отправке и количестве остающегося наличия прошу не отказать срочно сообщить.

*Инспектор артиллерии РВСР Ю. М. Шейдеман,
9 октября 1920 г.»*

Партия запрошенных артхимснарядов калибров 76 мм и 152 мм была подобрана на Софринском (Московская обл.) и Шиловском (Рязанская обл.) артиллерийских складах. «Качество» снарядов с фосгеном и хлорпикрином было проверено во время стрельб на Главном артиллерийском полигоне в Петрограде. Необходимое количество баллонов с ОВ было подобрано на Очаковском складе (Московская обл.), и они были испытаны на химическом полигоне в Кузьминках (Московская обл.). Для боевого применения баллонов с ОВ в ВВХШ на Пречистенке (Москва) была сформирована отдельная химическая рота. По окончании подготовки вся эта химическая армада была отправлена на фронт [295].

Из документов [295]:

«Начальнику МОКАРТУ

Распорядитесь срочной отправкой в Лефортовский артсклад для осмотра и окончательного снаряжения для отправки на фронт 10 000 6-дюймовых химических снарядов с Шиловского артсклада и 40 000 3-дюймовых химических снарядов с Софринского артсклада.

Отборку произвести под непосредственным руководством и указанием старшего руководителя опытов арткома ГАУ В. В. Фенина, командировавшегося одновременно с сим в Софрино и в Шилово.

Из подлежащих на фронт снарядов 50 шт. 3-дюймовых и 30 шт. 6-дюймовых должны быть немедленно высланы на Опытный газовый полигон для пробной стрельбы.

*Заместитель начальника управления ГАУ...
12 октября 1920 г.»*

«Начальнику ГАУ, секретно, в собственные руки

Три тысячи баллонов с удушливыми газами надлежит срочно отправить станцию Синельниково, и причем Главком указал обратить самое

серьезное внимание на тщательность поверки и осмотра баллонов перед их отправлением.

*Инспектор артиллерии РВСР Ю. М. Шейдеман,
30 октября 1920 г.»*

«Начальнику ГАУ

Прошу сообщить, отправлены ли на Южный фронт легкие и шестидюймовые снаряды и баллоны с удушливыми газами.

*Инспектор артиллерии РВСР Ю. М. Шейдеман,
7 ноября 1920 г.».*

13 ноября «химический эшелон» № 41523 проследовал через Серпухов на юг, однако документы о его дальнейшей судьбе найти не удалось [295]. Впрочем, с точки зрения большой политики это уже не имело значения. И в этот раз Красная армия не успела применить химоружие: позиционная часть войны закончилась 12 ноября прорывом Ишуньских позиций белых войск на Перекопе, и тот эшелон к нему не поспел. Маневренный этап войны развивался быстро: 13 ноября 1920 г. Красная армия вошла в Симферополь, 14 ноября – в Феодосию, 15 ноября – в Севастополь, 16 ноября – в Керчь. 17 ноября была занята Ялта, и это был последний день всей операции красных сил против российских войск белого цвета. В общем, вся война завершилась быстрее, чем успели подготовиться к ней в военно-химической части. Кстати, похоже, именно из-за этого тогда, осенью 1920 г., не состоялось назначение конкретного человека на должность главного военного химика РККА (Захимреспа) – документ о его обязанностях был слишком «привязан» к войне.

Итог таков. 14–16 ноября 1920 г. из Крыма в Турцию ушли 126 судов и кораблей. Генерал П. Н. Врангель вывез в неизвестность 145 693 человека, не считая судовых команд. Немало, причем, было и тех, кто по разным причинам не принял участия в исходе и остался в Крыму. Считается, что не менее 75 тыс. человек из числа оставшихся и взятых Красной армией в плен были расстреляны. Среди организаторов той расправы обычно называют М. В. Фрунзе, председателя Крымского ревкома (впоследствии известного венгерского революционера) Белу Куна (1886–1939) и начальника Особого отдела Южного фронта Е. Г. Евдокимова (1891–1940). Кстати, «химический эшелон» № 41523 все-таки был отправлен в Крым, скорее всего, не напрасно. Во всяком случае, пресса Запада впоследствии живописала в деталях применение командующим Южным фронтом М. В. Фрунзе химоружия, имея в виду дни после захвата Крыма, когда встал вопрос о судьбе пленных белых офицеров. Похоже, им все-таки досталось с пролетарского стола.

«Фишман – Фрунзе (копия – Берзину)

3 апреля 1925 г., Берлин.

Совершенно секретно.

Я указал на необходимость дать соответствующие директивы германской военной прессе, которая продолжает распространять небывлицы о Красной армии вроде тех, по поводу которых я в свое время протестовал («военно-химические опыты над арестованными на Украине в присутствии Фрунзе»)… обещали...

С коммунистическим приветом, Я. Фишман» [667].

Разумеется, страна ничего о химической стороне той войны не знала. Ей рассказали лишь о том, что 14 ноября 1920 г. вождь мирового пролетариата В. И. Ульянов-Ленин произнес в связи с открытием электростанции в деревне Кашино пламенную речь об электрификации. А 28 декабря VIII Всероссийским съездом Советов был принят даже план электрификации всей страны.

Чтобы больше не возвращаться к этой стороне темы, отметим, что из советских вождей к делам химической войны реально проявляли интерес двое – Л. Д. Троцкий-Бронштейн (1879–1940) и И. В. Сталин-Джугашвили. Остальные персоны были, по существу, марионетками в руках сложившегося со временем мощного и достаточно наглого советского ВХК.

Следует подчеркнуть, что хотя Гражданская война к концу 1920 г. закончилась, а в 1921 г. уже всем было ясно, что мировой революции не предвидится (хроника такова: 5 августа 1919 г. Л. Д. Троцкий объявил, что «дорога к Лондону и Парижу лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии»; 22 июля 1920 г. В. И. Ленин телеграфировал И. В. Сталину: «Зиновьев, Бухарин и я думаем, что следовало бы спровоцировать революцию тотчас в Италии»; уже 23 июня 1921 г. Л. Д. Троцкий объявил в кругах Коминтерна, что «Мы... не стоим непосредственно близко к конечной цели, к завоеванию власти в мировом масштабе...»; а 11 июля 1921 г. патриарх Тихон и пролетарский писатель М. Горький обратились ко всему миру с отчаянным призывом помочь побороть в «победившей» стране... голод), лишь осенью 1922 г. был завершён этап, относившийся скорее к сфере идеологии. Важнейшей вехой того времени стала принудительная высылка из страны цвета отечественной интеллигенции (автор поручений по кандидатурам высылаемых – В. И. Ленин; исполнитель – зампред ВЧК-ОГПУ И. С. Уншлихт). Остальных, в основном техническую интеллигенцию, было решено «использовать». Пока.

Что касается самого П. Н. Врангеля, принадлежавшего к русской линии потомков старинного датского рыцарского рода, то не удалось избежать «химии» и ему. Умер он в 1928 г. в Брюсселе от отравления, как считается, связанного с «химической спецоперацией» ИНО ОГПУ. Руководителем той группы называют чекиста Я. И. Серебрянского-Бергмана (1892–1956).

Возвращаясь к Ю. М. Шейдеману, отметим, что летом 1921 г. он лично осуществил необходимые действия по обеспечению эффективного применения химоружия М. Н. Тухачевским при подавлении восставших крестьян Тамбовской губернии. Этот прискорбный эпизод достаточно хорошо документирован [41, 53, 708].

Из документа:

«Приказ командующего войсками

Тамбовской губернии № 0116,

г. Тамбов, 12 июня 1921 г.:

Для немедленной очистки лесов приказываю:

*1. Леса, где прячутся бандиты, очистить **ядовитыми газами**, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространилось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.*

*2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с **ядовитыми газами** и нужных специалистов.*

3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.

Командующий войсками М. Н. Тухачевский,

начальник штаба Н. Е. Какурин, июнь 1921 г.» [708].

М. Н. Тухачевский был назначен командующим «тамбовской армией по борьбе с бандитизмом» на заключительной фазе затянувшегося конфликта – 7 мая 1921 г. Армия получилась большая – гораздо больше, чем у белого генерала А. И. Деникина (1872–1947) в период Гражданской войны (из песни слова не выкинешь, но то, что осталось от белых войск, уже было далеко от тамбовских лесов, и именно 8 мая 1921 г. «белые осколки» открывали в Константинополе тараканы бега). Повстанцы применяли партизанскую тактику: чтобы избежать репрессий против населённых пунктов, они ушли в лесные чащи и совершали оттуда набеги.

Это обстоятельство резко ограничивало возможности применения армией техники и тактики регулярной войны (бронемашин, автоотрядов, кавалерии и т. д.). И тогда М. Н. Тухачевский приказал своей карательной армии начать применение против повстанцев, в том числе против населенных пунктов, химоружия. Решение то не было секретом, и тамбовская коммунистическая пресса однозначно определяла свое отношение к повстанцам – «травить их удушливым и отравляющим газом». Планировались против повстанцев пуски газа из баллонов, а также стрельба артхимснарядами. Для исполнения решения М. Н. Тухачевского ему были переданы из общей армейской копилки химический полк и много отдельных химических команд с полным оснащением [41, 708].

После принципиального решения М. Н. Тухачевского о начале химической войны между Москвой и Тамбовом состоялась оживленная переписка о деталях его реализации. Б. М. Шапошников 20 июня со ссылкой на приказ Л. Д. Троцкого извещал из Штаба РККА о том, что в распоряжение Тамбовского командования выделено пять химических команд с необходимым количеством баллонов с газом. В тот же день инспектор артиллерии РККА Ю. М. Шейдеман сообщил о приведении в боевое состояние химической роты, базировавшейся в Орловском военном округе. А 24 июня М. Н. Тухачевскому доложили уже его подчиненные о том, как будут распределены полученные в двух вагонах 2000 химснарядов. А еще было получено 250 баллонов марки Е-56 с хлором. В конце июня в приказах по армии проходят уже детали применения артхимснарядов. После этого началась «боевая» работа. Через два месяца настала пора отчетов, и один руководитель нижнего воинского звена сообщил о применении, среди прочего, 79 химснарядов, другой – 85, третий – 50. И так продолжалось до самой осени. По окончании усмирения победители получили больше орденов боевого Красного Знамени, чем вся Красная армия за годы Гражданской войны [708].

Впрочем, страна ничего этого не знала. А редкие историки, если что и знают о той далекой эпохе, так это о казни в застенке ВЧК замечательного русского поэта Н. С. Гумилева. Это случилось 21 августа 1921 г.

После окончания событий в Тамбовской губернии 1921 г. планы Красной армии по использованию ОВ против собственных граждан не исчезли, и тема эта осталась актуальной на долгие годы. Во всяком случае, в плане работы Химкома РВС СССР на 1924–1925 г. можно найти такую тему: «Разработка вопроса о возможности применения газов для борьбы с бандитизмом и сконструирование соответствующих приборов» [67]. Жизнь тех лет предоставляла армейским химикам возможности для испытания теоретических разработок на практике, и они не были упущены.

В качестве примера химической войны местного значения укажем на события, связанные с военно-химической экспедицией, которая была снаряжена ВОХИМУ в июне-июле 1929 г. в Среднюю Азию. Задачи экспедиции, как следует из официального отчета, «сводились к следующим трем: 1) испытания для борьбы с саранчой ряда отравляющих веществ, применяемых в военном деле и производимых на заводах Союза ССР; 2) испытания поведения ОВ длительного действия (иприта) в условиях Средней Азии; 3) **испытания действия иприта с самолетов по басмаческим бандам**. По прибытии в Среднюю Азию выяснилось, что из-за отсутствия басмачей третья задача экспедиции выполнена быть не может и, таким образом, решению подлежали первые две». В тот раз басмачам, которые действовали в Туркменистане в районе Кушки, повезло – гнев советской государственной системы был переадресован на саранчу, однако сам по себе процитированный текст однозначно характеризует умонастроение руководителей страны и армии [303].

Впрочем, Красная армия была готова применить ОВ на любой земле – и на своей, и на чужой. Во всяком случае, советские военные химики не обошли своим вниманием соседний Афганистан. О «химической» составляющей первого вмешательства советской власти во внутриафганские дела можно узнать из давней переписки 1929 г.

Из надежд комкора В. М. Примакова:

«Окончательное решение задачи лежит в овладении Дейдади и Балхом. Вопрос был бы разрешен, если бы я получил 200 газовых гранат, начиненных ипритом. Кроме того, необходимо сделать отряд более маневроспособным, для чего придать мне эскадрон головорезов».

«Независимая газета», Москва, 13 февраля 1993 г.

Речь идет о письмах, которые направлял в Москву из Афганистана Рагиб-бей, под чьим именем скрывался герой Гражданской войны, красный казак В. М. Примаков (1897–1937). По-видимому, до реального применения химоружия против граждан Афганистана дело в тот раз не дошло [41].

Не дошло дело до применения химоружия и против Финляндии зимой 1939–1940 гг., хотя приготовились к химической войне тогда более чем тщательно [357, 358]. А вот в более поздние годы были и реальные события. В частности, в апреле 1989 г. в Тбилиси Советская армия с успехом применила химоружие для разгона своих собственных граждан-демонстрантов [709].

И в последующие годы никаких изменений в направленности политики применения властью химоружия против своих граждан не случилось. Во время прискорбных событий августа 1991 г. в Москве армия была вполне готова использовать ОВ против своих граждан и применила бы, если б поступил приказ. И в 1993 г., уже в новом государстве, обладатели погон были готовы применить химоружие для решения задач гражданского конфликта. А вот в 2002 г. они спокойно применили химоружие против непричастных сограждан [710].

Подчеркнем, что во всех этих случаях речь шла о химоружии как средстве массового поражения людей. Химоружие индивидуального наведения шло уже по линии чекистов [711–713]. И это отдельный разговор.

1.5. Военная химия Страны советов и кухарок

«Кухарки» в военно-химическом деле воцарились с некоторой задержкой.

Как известно, в 1918 г. командные кадры Красной армии на 75 % состояли из военспецов, и лишь к 1921 г. число бывших царских офицеров сократилось до 34 %. В военно-химическом деле, как и по всей стране, переход к правлению «кухарок» от российской интеллигенции тоже состоялся, однако процесс несколько затянулся, хотя в целом использование научно-технической интеллигенции развивалось по тому же сценарию, что и в иных сферах жизни.

С формальным окончанием Гражданской войны («борьба с бандитизмом» еще продолжалась; голод – тоже: на IX Всероссийском съезде Советов 24 декабря 1921 г. М. И. Калинин (1875–1946) говорил, что голодающими «официально признаны у нас в настоящий момент 22 миллиона человек») в Красной армии началась работа по организации военно-химической инфраструктуры. В ее рамках в январе 1921 г. Артком обратился к руководству армии с идеей создания опытного химического завода ОВ, который должен был включать снаряжательную мастерскую, опытное производство ОВ, химическую лабораторию, а также противогазовый отдел. В июне 1921 г. Артком возбудил ходатайство об объявлении конкурса на проект батареи газовых минометов (газометов).

Активизировались и опытные работы по проблеме химоружия. Это для всего мира важно, что в 1922 г. англичанин Х. Картер обнаружил в Египте гробницу фараона Тутанхамона. А в советской России в июне 1922 г., вскоре после XI съезда РКП(б), Артком Красной армии обсуждал «программу опытов, подлежащих к постановке текущим летом на Артиллерийском газовом полигоне» (среди них: изучение газового минометного облака, испытание группового выпуска газов, изучение действия химических снарядов, в том числе осколочного действия и т. д.) [145].

В рамках этого процесса 24 сентября 1921 г. заместитель председателя РВСР Э. М. Склянский утвердил новое положение о полигоне АГП, который уже три года действовал в районе деревни Кузьминки, совсем недалеко от Москвы. Полигон предназначался для опытов «с целью исследования и изучения удушливых и ядовитых средств, применяемых для боевых целей» [145]. Тем же положением была предусмотрена и иная функция полигона (в современной терминологии, абсолютно антиэкологическая), приведшая в будущем к немалым экологическим бедам, – проведение на полигоне «по соглашению соответствующих наркоматов с артиллерийским комитетом... утилизации» ОВ. Другими словами, **так было впервые узаконено закапывание химоружия на АГП в Кузьминках**. Другим способом химоружие вплоть до 1938 г. практически не ликвидировалось.

К 1922 г. Красная армия созрела для реформирования руководства всем военно-химическим делом. Инициатором стал начальник артиллерии РККА Ю. М. Шейдеман. В феврале IX отдел Арткома получил задание от председателя Арткома «разработать... мероприятия по постановке в республике газового дела». И в документе от 22 марта 1922 г. сообщались многочисленные соображения на сей счет. В число предлагавшихся мероприятий входили реальное создание химической снаряжательной мастерской на складе в Очакове, начало реальных испытаний образцов химоружия на химполигоне в Кузьминках, создание батареи газовых минометов, организация заводов по выпуску ОВ и даже мобилизация Разведупра штаба РККА на информационную поддержку газового дела «путем добывания нужных сведений из-за границы агентурным путем» [63].

А 8 апреля 1922 г. уже сам Ю. М. Шейдеман направил С. С. Каменеву (1881–1936) – главнокомандующему вооруженными силами Республики – принципиальный документ «О необходимости принятия мер по постановке военно-химического дела в Красной армии». Исходный посыл был очевиден – «с достаточной достоверностью можно предвидеть в будущем боевое

применение химических средств еще в большем масштабе», чем в Первую мировую войну. Поэтому, «считаясь с тем, что боевые столкновения с противником возможны и что существует большая вероятность ожидания боевого применения химических средств борьбы при первых же столкновениях с противником», Ю. М. Шейдеман внес руководству армии ряд предложений. Среди них были, в частности, и такие: «ускорить оборудование разливочной станции при складе УС» в Очакове близ Москвы, а также «ускорить оборудование артиллерийского газового полигона» в Кузьминках близ Москвы. Кроме того, было предложено организовать «на химических заводах изготовление новых боевых химических веществ германского „желтого креста“ и „синего креста“ (имеются в виду иприт и дифенилхлорарсин. – Л. Ф.) для возможности производства необходимых опытов по снаряжению и боевому применению этих веществ». А чтобы последняя идея стала фактом жизни, было предложено осуществить принципиальное организационное решение: «В целях дальнейших изысканий и исследований в области боевого применения химических средств и научной разработки этих вопросов учредить при Артиллерийском комитете специальную комиссию из наиболее видных ученых и специалистов» [63].

Тот демарш дал толчок реформированию и расширению подготовки Красной армии к наступательной химической войне. 15 июня 1922 г. Ю. М. Шейдеман созвал узкое совещание соратников «по вопросу организации и постановке газового дела в РСФСР», на котором обсудил содержание подготовленного им доклада для высших властей страны [63]. Была создана Особая комиссия по вопросам химических средств борьбы под председательством начальника Штаба РККА П. П. Лебедева (1872–1933), в рамках которой прорабатывались предложения. И уже 19 июня в письме на имя заместителя председателя РВСР Э. М. Склянского начальник штаба испросил «согласие на осуществление намеченных совещанием мероприятий» и получил резолюцию «Согласен. Э. М. Склянский, 23.6.22» [63]. Кстати, уже 1 июля 1922 г. вакантную должность Захиреспа занял В. Н. Баташев [127].

Одно из важных решений тех месяцев – сосредоточение в армии обеих ветвей подготовки к химической войне: к армейской IX секции Арткома РККА вернулась гражданская Комиссия по газовому и противогазовому делу (после разбиения в 1918 г. единой системы военно-химического дела на две части – военную и гражданскую – эта комиссия работала при НТО ВСНХ). Так вот, в 1922 г. при Артуправлении РККА был создан военно-химический орган, который был назван «Постоянным совещанием по вопросам химических средств для борьбы» и который заменил более слабую и, по существу, оторванную от армии Комиссию по газовому и противогазовому делу [123]. Первое заседание «Постоянного совещания...» состоялось 23 ноября [123]. Его председателем вновь согласился стать человек, который был мотором военно-химического дела еще до октября 1917 г., – член президиума ВСНХ СССР, великий ученый, химик-органик, академик В. Н. Ипатьев. Заместителем стал проф. А. А. Держкович (начальник IX секции Арткома ГАУ). Оба руководителя продолжили дело, которым занимались до октябрьского переворота. В. Н. Ипатьев руководил военной химией до тех пор, пока дело не было поставлено на ноги, после чего академика заменили на малоизвестного левого эсера с химическим дипломом. А вот эсер, по традиции, довольно скоро «разобрался» с проф. А. А. Держковичем.

На другой день начальник Штаба РККА представил в РВС на утверждение «Положение...» об уже работающем органе [123]. В нем были записаны очевидные задачи: изучение и испытание открытий и изобретений, сделанных в области отравляющих веществ (ОВ; именно тогда была введена новая аббревиатура ОВ вместо прежней УС), изыскание новых ОВ, изучение их свойств и возможности применения, разработка методов применения ОВ, усовершенствование способов изготовления ОВ и т. д. А чтобы обеспечить практическую направленность вновь созданного армейского органа химической войны, ему были переданы, среди прочего, АГП, снаряжательная мастерская ОВ и лаборатория ВВХШ. Было ему предоставлено также и право распоряжения необходимыми ассигнованиями.

Между тем и в самих войсках, еще не знакомых с новыми решениями по военно-химическому делу, рождались все новые и новые предложения. Так, на инициативном письме от 16 декабря 1922 г. своего начальника артиллерии («в будущих войнах химическим средствам будет отведено если не первое, то одно из важнейших мест... встает вопрос, что мы будем делать в случае войны и активного применения газов противником... не подготовившись к этому делу в мирное время») командующий войсками Западного фронта М. Н. Тухачевский, недавно закончивший химическую войну против тамбовских повстанцев, написал весьма активную резолюцию («Этому делу надо придать крупный общественный характер. Надо связаться с гражданским ученым миром. Надо дать большие средства. Надо поставить во главе высоко авторитетное для РККА лицо») и в этом виде отправил главнокомандующему Красной армией С. С. Каменеву [61].

Не отстал от М. Н. Тухачевского и командующий вооруженными силами на Украине и в Крыму М. В. Фрунзе, который не успел применить химоружие в конце Гражданской войны. В докладе на имя Л. Д. Троцкого, датированном 9 ноября 1922 г., он написал: «нужно или окончательно признать военно-химическое дело в Красной армии и уделить ему должное внимание, или вовсе от него отрешиться... В настоящее время приходится констатировать почти полное отсутствие планомерной работы в рядах Красной армии в этом направлении и зависимость постановки военно-химического дела от того или иного отношения к нему начальников артиллерии округов и от знания, энергии и любви к своему делу заведующих средствами химической борьбы» [63].

«Инициатива масс» закончилась тем, что начальник артиллерии РККА Ю. М. Шейдеман 31 декабря 1922 г. вместо поздравления военно-химической службы с Новым годом известил ее («в связи с поступающими от округов и фронтов вопросами о состоянии военно-химического дела и достижениях в этой области») о реальном положении дел на тот момент [63], в том числе о начале работы Постоянного совещания В. Н. Ипатьева и о создании «Инструкции по применению химических снарядов».

Ряд практических вопросов строительства военно-химических объектов был обсужден на заседании, состоявшемся 27 января 1923 г. [66]. При артиллерийском ведомстве была образована химическая строительная комиссия для возведения объектов военно-химической инфраструктуры: опытного завода ОВ, разливочной станции, снаряжательной мастерской, хранилищ химоружия.

Разумеется, в силу логики событий военно-химическое дело не могло оставаться в слишком узких рамках артиллерии. Не прошло и полугода после начала работы «Постоянного совещания по вопросам химических средств для борьбы», как после соответствующего решения РВС в название этого органа вплелось слово «межведомственное», чем была узаконена тенденция на отделение совещания, а также всей военно-химической проблематики от артиллеристов с постепенным приданием им всеармейского статуса и содержания. С 14 апреля 1923 г., за несколько дней до открытия XII съезда РКП(б), этот орган военно-химического руководства стал называться «Межведомственным совещанием по химическим средствам борьбы» (Межсовхим) [64]. В круг вопросов Межсовхима был включен весь спектр очевидных задач – и наступательных, и оборонительных. Ему было предписано заниматься всем – от изыскания новых ОВ до изыскания и разработки мер и средств защиты от химоружия.

Первым же решением Межсовхима стало образование комиссии по выбору места для Опытного завода ОВ (будущего Экспериментального завода Анилтреста, Москва), подготовке проекта по его устройству и составлению сметы. Председателю комиссии Б. Ф. Курагину было выдано 2 млн руб. для выполнения работ в течение двух месяцев. Второе решение носило столь же принципиальный характер: технической строительной комиссии был выделен 1 млн руб. для подготовки проекта разливочной станции ОВ, предусматривавшейся к размещению на артиллерийском химическом складе в Очакове недалеко от Москвы (будущем химическом

складе № 136). Тогда же был сформулирован перечень основных ОВ, рекомендованных для снаряжения в артохимснаряды. В него были включены иприт, люизит, мышьяксодержащие слезоточивые ОВ, хлорацетофенон, бромбензилцианид. Были также обсуждены предложения о привлечении ВВХШ и лаборатории Арткома к работам по созданию новых ОВ [64].

Не забывали создатели военно-химической службы и своей прямой цели: наступательной химической войны. Во всяком случае, уже летом 1923 г. ее глава В. Н. Баташев поделился со своими подчиненными соображениями о нормах расхода средств химического нападения тех лет [127].

Из старого документа:

*«Заведующим средствами
химической борьбы*

Сообщаю, что включение в ежемесячную заявку потребности средств химической борьбы в баллонах признано необходимым. Причем при расчете количества необходимых баллонов типа Е-70 полагаю правильным исходить из следующих соображений:

1. Баллонами указанного типа, снаряженными хлором и фосгеном (в смеси), снабжаются для выполнения боевых операций (газовая атака) специальные химические войска типа отдельных химических рот.

2. Боевой фронтальной запас этих баллонов для одной операции роты в условиях затяжной маневренной войны или позиционной составляет... 5000 баллонов или 10 000 пудов снаряжаемого газа.

Учитывая возможность выполнения 3–4 газовых атак в год одной ротой, для означенных целей необходимо на год иметь запас на одну химическую роту – 20 000 баллонов или 40 000 пудов газа...

Что же касается норм в потребности количества газов и мин для целей химического минометания и газометания, то ввиду возможного применения химических мин не только специальными химическими частями, но и минометными дивизионами, установить последние в настоящее время не представляется возможным.

*Заведующий средствами химической борьбы РККА
В. Н. Баташев, 16 июля 1923 г.» [127]*

Мощный толчок развитию военно-химического дела придал председатель РВС СССР Л. Д. Троцкий. 20–21 ноября 1923 г. он дал главнокомандующему С. С. Каменеву задание «наметить план длительной систематической кампании» в отношении химической войны, в том числе созвать совещание для определения позиции по этой проблеме. И 28 ноября 1923 г. – через полтора года после инициативы Ю. М. Шейдемана от 8 апреля 1922 г. – Л. Д. Троцкий собрал широкое совещание по вопросам химической войны. В нем, помимо высших чинов армии (Э. М. Скланского, С. С. Каменева, И. С. Уншлихта, П. П. Лебедева, И. Т. Смилги, В. А. Антонова-Овсеенко, А. П. Розенгольца), участвовали также представители науки и промышленности (В. Н. Ипатьев, П. А. Богданов, Е. И. Шпитальский, Д. С. Гальперин, П. А. Шатерников, Н. А. Сошественский) и военно-химического дела (Ю. М. Шейдеман, А. А. Держжович, В. Н. Баташев, М. Г. Годжелло) [59, 65].

«Вся область химической войны должна составить предмет настоящего совещания», – сказал во вступительном слове Л. Д. Троцкий, прежде чем предоставить слово для основного доклада академику В. Н. Ипатьеву.

Страницы истории:

«Военный комиссар Л. Д. Троцкий, возглавлявший в то время Реввоенсовет, пожелал узнать, в каком положении находится дело

снабжения армии противогазами и ядовитыми веществами. С этой целью он устроил особое заседание Реввоенсовета, где мне было поручено сделать доклад об этом вопросе... На собрании присутствовало около 40–50 человек...

Это заседание Реввоенсовета имело большое значение для дальнейшего развития газового и противогазового дела, и оно двинулось бы гораздо быстрее в своем развитии, если бы Троцкий оставался на посту председателя РВС».

В. Н. Ипатьев (Нью-Йорк, 1945 г.) [59]

В. Н. Ипатьев рассмотрел по существу три вопроса. Во-первых, дал общую картину в связи с применением химоружия в Первую мировую войну, и в связи с новой информацией, полученной им во время только что состоявшейся поездки в Германию. Во-вторых, определил приоритеты в видах ОВ, которыми необходимо заниматься: в первую очередь – это **иприт** («наиболее интересное вещество»; «это вещество должно лечь во главу нашего будущего производства удушающих средств») и **дифосген**, основные трудности в изготовлении которых в полужаводском масштабе были к тому времени преодолены; во вторую очередь – это мышьяк-содержащие дифенилхлорарсин, люизит и дик (этилдихлорарсин). Было при этом указано, что все должно начинаться с создания мощностей по выпуску хлора и фосгена, без которых невозможен выпуск остального. В-третьих, сформулировал многочисленные научно-практические задачи подготовки к химической войне: постановка в Петрограде и Москве активных лабораторных исследований по разработке технологий производства ОВ, решение проблемы сырья для этих производств, создание самих производственных мощностей для выпуска ОВ, разработка способов снаряжения снарядов и создание мастерской для разлива ОВ, исследование путей стабилизации ОВ, изучение способов распыления ОВ, проведение интенсивных токсикологических испытаний и т. д. [65]

Общее заключение В. Н. Ипатьева было оптимистичным: «Сопоставляя работу на Западе с тем, что делается у нас, мы приходим к выводу: мы работаем совершенно правильным путем» [65]. Характерно, что помимо этого, В. Н. Ипатьев упомянул о единственной дружественной части Запада: «нельзя не приветствовать, конечно, если это осуществимо, образование русско-немецкого общества для научных химических исследований». То был инскапительный намек на то, что наряду с практической военно-химической работой шла другая – международно-дипломатическая – жизнь, о содержании которой мало знали даже члены высшей военно-государственной бюрократии. Тем более к этому знанию были допущены далеко не все участники совещания, проведенного Л. Д. Троцким. Дело в том, что задолго до этого совещания, а именно 11 августа 1922 г., было подписано секретное соглашение о сотрудничестве между армиями Германии и России. В соответствии с ним рейхсвер получил возможность создавать на территории РСФСР военные объекты для проведения испытаний военной техники, а также обучения личного состава войск Германии по тем направлениям, которые были запрещены Версальским договором, – танки, авиация, химия. За услуги РСФСР была предусмотрена и ежегодная денежная оплата, и право прямого участия в немецких военных разработках и испытаниях. Именно в рамках этих договоренностей в 1923 г. был предпринят первый практический шаг к советско-германскому сотрудничеству в военно-химической области. Было решено организовать на территории РСФСР общими силами производство двух основных ОВ тех лет – иприта и фосгена. Будущий завод химоружия предназначался для обеспечения военных нужд Германии [668]

В целом Л. Д. Троцкий был удовлетворен состоянием военно-химических дел. И в дальнейшем РВС СССР, который он тогда возглавлял, занимался этими делами самым активным образом. Настолько активно, что на заседании РВС, состоявшемся в очень узком составе в мае 1924 г., было решено ассигновать крупную по тем временам сумму для заказа за рубежом нужных армии вещей, «в первую голову на артиллерию и военно-химические нужды» [87].

Остается добавить, что в то время страны мира были заняты работой, явно чуждой участникам того совещания у председателя РВС СССР. Во всяком случае, довольно скоро, 17 июня 1925 г., 38 стран подписали в Женеве «Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств» [55]. Этот акт вряд ли стал широко известен в Красной армии, и уж во всяком случае он ничего не изменил в умонастроении руководителей Советского Союза, уже втянувших страну в активную подготовку к наступательной химической войне (пока – вместе с Германией) [686].

Формально присоединившись к тому протоколу [55], СССР сопровождал акт присоединения такими оговорками, которые его обесценивали. Они позволяли не только готовиться в последующие годы к наступательной химической войне, но и применять химоружие всегда и везде. Что, собственно, и делалось почти весь XX век. Окончательный отказ России и от оговорок, и от смертельного химоружия как оружия массового поражения произошел лишь в конце 2000 г. [56].

1.6. Начиналось с великого химика Ипатьева

После совещания у Л. Д. Троцкого дела пошли довольно быстро. Это М. А. Булгаков (1891–1940) в 1923–1924 гг. писал «Белую гвардию», домысливая и переосмысливая итоги Гражданской войны. В реальной жизни новую власть интересовали ее личные дела в контексте совсем иного будущего страны, и потому в реальности очень многое развивалось совсем иначе. Подготовка к наступательной химической войне приобрела столь принципиальный характер, что РВС СССР предпринял очередные организационные меры. Его решением от 20 февраля 1924 г. Межсовхим был переименован (из Межведомственного совещания по химическим средствам борьбы – в Межведомственное совещание по химической обороне) с одновременным изъятием из ГАУ и подчинением непосредственно РВС. Теперь этот орган стал общевойсковым [66].

И уже в марте-апреле 1924 г. Межсовхим обсудил состояние работ по созданию в стране целостной системы подготовки к химической войне [66]. Мыслили тогда широко, и для достижения достаточно прагматичной цели – обеспечения готовности к химической войне – была запланирована очень уж многообразная система действий: создание военно-химического музея, устройство постоянной химической выставки, построение в модельном виде Эджвудского арсенала в советском (будущем) исполнении, организация во всех научных центрах СССР при вузах институтов с военно-химическим уклоном [66].

В качестве примера для подражания Межсовхим избрал Эджвудский военно-химический арсенал США. По состоянию на 1924 г. этот арсенал был расположен в изолированной безлюдной местности на участке размером 13,8 км между рекой и железной дорогой в 20 милях от г. Балтимора. В нем были сосредоточены все основные элементы системы: заводы по производству ОВ (иприта, фосгена, хлорпикрина, хлора), снаряжательные мастерские, оборудование для разлива ОВ по всем видам химических боеприпасов, противогазовое производство, научные подразделения (химическое, медицинское, патологическое), химический полк, военно-химическая школа. Даже Управление военно-химической службы было размещено в те годы подальше от столицы – тоже на Эджвудском химическом арсенале [66].

Применительно к осажденной крепости, которой фактически был в те годы Советский Союз, вариант решения, который обсуждался на заседании Межсовхима, тоже выглядел идеально, только противоположно американскому. «Наш советский Эджвудский арсенал» было намечено создать на военно-химическом полигоне в Кузьминках (тогда это было Подмосковье – 12 км от края столицы) [66, 68]. Он к тому времени существовал уже шесть лет и зафиксировался на двух участках общей площадью примерно 9 км². Энтузиастам грезилось, что в Кузьминках можно построить заводы по выпуску ОВ, другие производства, разместить склады, а также организовать военный институт химической войны...

² Сейчас на месте жилого участка полигона расположен парк культуры и отдыха «Кузьминки», а на месте испытательного – лесопарк «Кузьминки».

Военно-химический полигон в Кузьминках (на карте нынешней Москвы). Выделены два участка полигона: слева – жилой (ныне – Парк культуры и отдыха «Кузьминки»), справа – испытательный (ныне – лесопарк «Кузьминки»). Между ними расположена усадьба С.М. Голицына.

Много позже энтузиаст военно-химического дела проф. Е. И. Шпитальский (1879–1931) указал даже, что подобные арсеналы «должны находиться около культурного центра, дабы можно было постоянно наблюдать за работой опытных установок» [66]. И он не был одинок, потому как еще в октябре 1918 г. при решении вопроса о месте размещения военно-химического полигона выдвигался аналогичный аргумент: «Опытный газовый полигон желательно иметь возможно ближе к IX химическому отделу артиллерийского комитета ГАУ, так как организация и само выполнение опытов требуют непосредственного участия и присутствия служащих отдела. При значительном удалении от г. Москвы командировки служащих отдела для производства необходимых опытов будут более продолжительными, а потому будут отвлекать их на более или менее продолжительное время от выполнения текущих дел». Нелишне иметь в виду, что свои текущие дела IX (химический) отдел ГАУ осуществлял тогда прямо на Красной площади Москвы, в Средних торговых рядах, так что неудивителен и выбор всех четырех вариантов размещения полигона – Кузьминки, Угрешы, Мытищи, Крюково [145]. Кстати, удалить военных с Красной площади удалось лишь на рубеже XX–XXI веков.

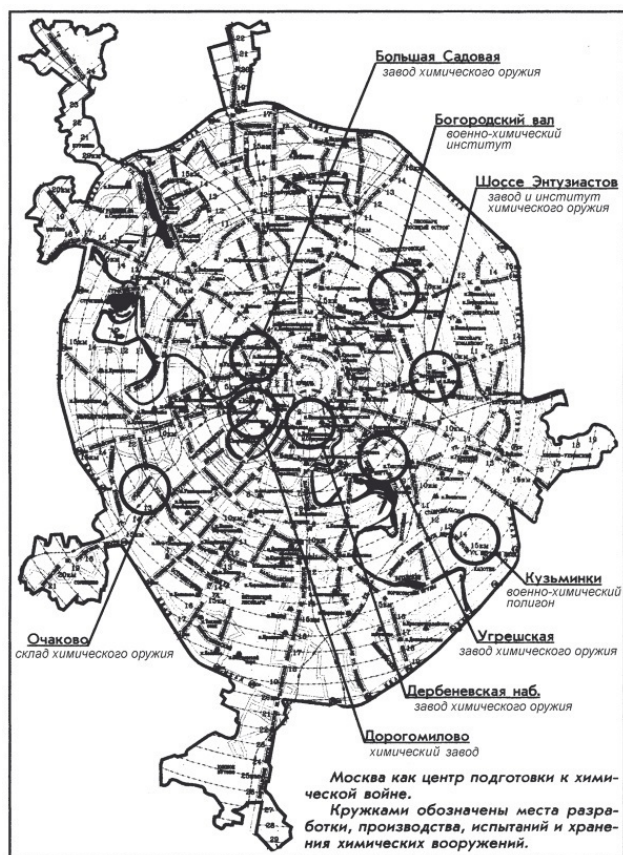
Реальная жизнь в те годы развивалась, однако, по иным сценариям.

Военно-химическую открытость, о которой грезил деятели Межсовхима в 1924 г., пришлось вскоре пересматривать. После принятия в июне 1925 г. Женевского протокола [55] советские наступательные военно-химические планы ушли в подполье [686], и ушли они туда навсегда.

В реальности «нашим советским Эджвудским арсеналом» в период между мировыми войнами оказался не отдельный полигон в подмосковных Кузьминках, а вся столица Советского Союза – Москва. С ближайшими окрестностями. Вряд ли в США такое могло привидеться даже во сне.

Именно Москве досталась сомнительная честь быть носителем созданной инфраструктуры химической войны – химического полигона, центрального склада химоружия, не менее

четырёх заводов по производству ОВ, двух головных научных институтов химической войны (военного и промышленного), военно-химического управления, медицинских служб и т. д. Схема иллюстрирует это сомнительное достижение советской власти. И понадобились десятилетия, чтобы наиболее опасная для большого города часть этой инфраструктуры стала постепенно перемещаться из столицы в глубь страны. Разумеется, осуществлялось это не по экологическим, а исключительно по стратегическим соображениям.

Москва как центр химической войны.

Вскоре в очередной раз встал вопрос об уточнении статуса Межсовхима. Решен он был 13 июня 1924 г., когда приказом РВС Межсовхим при РВС был преобразован в Химический комитет при РВС (Химком). Химкому было предписано стать высшим научно-техническим органом военно-химического дела не только в Красной армии, но и во всей стране [67]. По существу, произошел возврат к дореволюционной организации военно-химического дела.

Руководителем РВС СССР был тогда Л. Д. Троцкий, поэтому председателем Химкома остался еще академик В. Н. Ипатьев. Впрочем, ненадолго, поскольку курирование работы Химкома со стороны руководства армии уже перешло от Э. М. Складанского к члену РВС И. С. Уншлихту (1879–1938), который годом раньше был переведен в заместители председателя РВС с поста заместителя председателя ГПУ. Добром для старой интеллигенции это курирование не кончилось.

Жизнь меж тем шла своим чередом. И уже через несколько дней, 19 июня 1924 г., на совещании у С. С. Каменева обсуждались практические дела химического вооружения: усовершенствование химических снарядов, создание химических авиабомб и полковых газометов [74]. А **30 августа в Москве было начато промышленное производство иприта** (германского ОВ «желтого креста»). Его обеспечил профессор старой русской химической школы Е. И. Шпитальский [370]. Разумеется, советский народ ничего не знал об этом «достижении» —

ему было ведомо лишь то, что в августе 1924 г. в Москве впервые открылось регулярное автобусное движение (8 закупленных в Англии одноэтажных автобусов ходили по маршруту Каланчевка – Белорусский вокзал). Автобусная поездка мимо Триумфальной площади, где были сварены первые пуды советского иприта, стоила 10 коп.

Положение о Химкоме, утвержденное в сентябре 1924 г. приказом по РВС СССР (подписал И. С. Уншлихт), расширило его функции и права [67]. Там значились изыскание новых боевых ОВ, изучение их свойств и возможностей военного применения; испытание открытий и изобретений в области военно-химического дела; разработка способов хранения и перевозки ОВ; изготовление опытных партий ОВ; участие в создании образцов химического снаряжения; создание методов промышленного изготовления средств «химической обороны».

Одновременно РВС СССР пришлось озаботиться и военной стороной организации военно-химического дела. В конце ноября 1924 г. было решено «создать как в центре, так и на местах самостоятельную Инспекцию химической подготовки, с минимальной численностью личного состава, исключив одновременно из штата Инспекции артиллерии должности по химделу». Главным инспектором был назначен В. Н. Баташев. А после образования ВОХИМУ инспекция стала его частью, это произошло летом 1927 г. [127].

Быть может, дотошные знатоки истории еще помнят о событии конца 1924 г. 16 ноября сборная СССР по футболу провела свой первый международный матч и выиграла у Турции со счетом 3:0. А вот внутри Советского Союза конец 1924 г. был ознаменован еще двумя событиями, важными для военно-химического дела, – известным и совсем не известным. С одной стороны, многие помнят, что именно в те дни с поста председателя РВС СССР был смещен Л. Д. Троцкий. С другой стороны, текущие дела надо было исполнять, так что в последний день того года, а именно 31 декабря, два начальника РККА – снабжения и артиллерии – обратились в РВС СССР за деньгами для осуществления вполне конкретных военно-химических планов. Было указано:

«На первое время... необходимо приобрести следующие ОВ для снаряжения химических снарядов:

*иприта 7500 пудов по 100 рублей, всего 750 000 рублей,
дифосгена 3000 пудов по 80 рублей, всего 24 000 рублей,
хлорпикрина 3260 пудов по 50 рублей, всего 163 000 рублей.*

Указанные ОВ предназначаются для снаряжения нижеследующих химснарядов, корпуса для которых имеются в наличии и... ожидают:

*3-дюймовых ипритных снарядов 153 000 штук,
3-дюймовых дифосгеновых снарядов 97 000 штук,
итого 250 000 штук.*

*48-линейных ипритных снарядов 10 000 штук,
48-линейных дифосгеновых снарядов 10 000 штук,
итого 20 000 штук.*

6-дюймовых ипритных снарядов 20 000 штук».

Подведение первых итогов работы Химкома на заседании РВС СССР состоялось 2 февраля 1925 г. [67]. С точки зрения деталей, важных для историков, это обсуждение было «окрашено» тем, что председательствовал на нем уже не Л. Д. Троцкий, а новый нарком обороны М. В. Фрунзе. Присутствовали члены РВС А. П. Бубнов, И. С. Уншлихт, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов. Практики получили в тот день свое: было решено «закончить на газовом полигоне сооружение броневой ямы». Докладывая о деятельности Химкома за 1923–1924 гг., В. Н. Ипатьев сообщил о достижении в области ОВ «значительных результатов». Для выпуска «короля газов» – иприта был запущен завод с производительностью 5 пудов в сутки (Экспериментальный завод в центре Москвы на Триумфальной площади, ныне – НИОПИК), не имев-

ший касательства к советско-германскому сотрудничеству. Был близок к пуску другой опытный завод для выпуска фосгена мощностью 6 пудов в сутки (Ольгинский завод на окраине Москвы, нынешний ГСНИИОХТ). Были указаны и другие достижения: исследована токсичность ряда новых ОВ, сконструированы три типа 76-мм артхимснарядов, несколько типов газометов, два типа ранцевых приборов для создания завес ядовитого дыма (ЯД), создан многоцелевой противогаз, защищающий от новых ОВ, дымов и туманов [67].

Среди важнейших решений было признание «абсолютно необходимым выделить для работ Химического комитета опытный экспериментальный завод с передачей такового в ведение ГУВПа». Было решено также «принять все меры к скорейшему окончанию работ на газовом полигоне по сооружению броневой ямы и других намеченных построек». Вскоре, 23 марта 1925 г., РВС СССР решил выделить для Химкома два химзавода в Москве – часть Экспериментального и Ольгинский – с передачей объединенного завода Эксолхим в Главное управление военной промышленности (ГУВП) [395]. Важным моментом заседания РВС СССР [67] было уточнение иерархии между двумя военно-химическими органами – Химкомом и Инспекцией химической подготовки. Она была прояснена в решении по одному из практических вопросов: «Поручить Инспекции химической подготовки следить за разработкой и практическим применением работ Химического комитета в отношении защиты войск от химических веществ». Тем, кто решал в армии принципиальные вопросы ее строительства, было ясно, что по своему статусу Инспекция химподготовки не могла решать важнейшие проблемы военно-химического дела, а Химком был слишком «академичен». В общем, в том же 1925 г. «академический» период руководства военно-химическим делом закончился – и в Красной армии, и во всей стране.

Это обстоятельство было зафиксировано принятием принципиального организационного решения, к которому приложили руку в основном два человека – нарком М. В. Фрунзе и его заместитель И. С. Уншлихт. 11 августа 1925 г. на заседании РВС СССР было решено создать в Красной армии новый орган – Военно-химическое управление (ВОХИМУ) УС РККА [124]. Структурно этот новый руководящий орган был образован из двух имевшихся подразделений: химического отдела Артиллерийского управления и Химкома при РВС РККА. То августовское заседание вел лично М. В. Фрунзе, присутствовали члены РВС СССР И. С. Уншлихт, К. Е. Ворошилов, М. М. Лашевич, В. П. Затонский. Направленность обсуждения была задана тем, что академик В. Н. Ипатьев на то заседание не приглашался. Его просто известили, что Химком при РВС СССР преобразован в Научно-технический комитет (НТК) – орган вновь созданного ВОХИМУ.

Поначалу новый орган управления военно-химическим делом был подчинен Управлению снабжения (УС) РККА [124]. Его куратором стал заместитель наркома и зампреда РВС СССР И. С. Уншлихт. Впрочем, уже в 1929 г. УС было расформировано, а взамен его появилась должность Начальника вооружений РККА, которому и были переподчинены три управления – ВОХИМУ, АУ и ВТУ. Начальником вооружений был назначен И. П. Уборевич (1896–1937) [129].

Первым начальником ВОХИМУ был назначен Я. М. Фишман (1887–1961) – ставленник ВЧК-ОГПУ и лично И. С. Уншлихта. Известен «химик» Я. М. Фишман, выпускник Неаполитанского университета, член партий левых эсеров и РКП(б), изготовлением той бомбы, с помощью которой 6 июля 1918 г. чекист Я. Г. Блюмкин (1900–1929) убил германского посла в Москве графа В. Мирбаха (1871–1918). В 1921–1925 гг. Я. М. Фишман находился на работе в Разведупре Штаба РККА. За это время он побывал в разных ипостасях – и в обличье представителя советского НКЗема при Интернациональной экологической комиссии в Риме, и на посту советского военного атташе в Германии. Однако везде он занимался одним и тем же – сбором информации в области оружия (химического и всякого иного) [683].

«Химическое образование Фишмана было ниже среднего, хотя он получил доктора философии в одном из итальянских университетов. Его диссертация на эту степень была ученической работой, и больше никаких научных работ им не было выполнено, и, по-видимому, он стоял вдалеке от химических вопросов. Он был левым социалистом-революционером, но после победы большевиков перекочевал в их лагерь... Самомнение у Фишмана было громадное, а желание властвовать – еще большее. Мой большой приятель Д. С. Гальперин целиком разделял мое мнение об этом миниатюрном химическом Наполеоне».

В. Н. Ипатьев (Нью-Йорк, 1945 г.) [59]

Вновь образованное управление стало заниматься вопросами создания и применения нетрадиционных видов оружия – химического и биологического (в тексте-обосновании Я. М. Фишмана это звучало так: «в малый срок необходимо создать несуществующий род оружия»). О химоружии в числе важнейших задач были указаны следующие: «Военно-химическая подготовка вооруженных сил СССР в целом, то есть снабжение всеми необходимыми средствами химического нападения и химической обороны... Организация химической обороны гражданского населения». На деле проблему защиты гражданского населения от возможного вражеского химического нападения ВОХИМУ вскоре переложило на других и так и не стало всерьез отвечать за это дело. И ВОХИМУ, и все его преемники занимались только подготовкой к наступательной химической войне, а также к защите армии (а не населения страны) от химоружия других армий.

Первый отчет о деятельности ВОХИМУ был затребован довольно скоро.

5 октября 1925 г. Я. М. Фишман сделал обобщающий доклад для РВС СССР «О потребностях РККА в химических средствах нападения и обороны» в связи с формированием трехлетнего плана подготовки советской экономики к войне [74]. Были сообщены расчеты количества средств химического нападения, потребных РККА на год ведения войны. Указано, что «местами, наиболее целесообразными для расположения заводов ОВ, является прежде всего Волга» (имелись в виду еще не пущенный советско-германский завод на ст. Иващенко Самарской обл. и проектировавшийся еще больший по масштабам новый завод в Нижегородской обл., в нынешнем Дзержинске). В качестве ближайшей задачи для Ольгинского завода ОВ (Москва) было указано создание в течение года полужаводских установок для производства всех существующих ОВ.

Среди прочего, в первом докладе было сообщено, что заканчивающаяся оборудованием разливочная станция ОВ на складе № 136 в Очакове (близ Москвы) способна снаряжать за 6-часовую смену 900 химснарядов калибра 76 мм или 300 химснарядов калибра 152 мм. Предусмотрено было также окончание оборудования военно-химического полигона в Кузьминках и создание, помимо военно-химического склада в Очакове, новых складов по всей стране [74]. В докладе сообщалось и о выделении в течение трех лет 10 млн руб. на строительство в Москве военно-химического института – головного учреждения ВОХИМУ, которое после постройки специального здания должно было заменить множество лабораторий, которые существовали при вузах Москвы и Ленинграда и которые действовали в интересах военно-химической службы [74]. Не будет лишним подчеркнуть, что тот доклад Я. М. Фишмана был секретным и обществу он не так уж доступен и поныне. О тех днях обществу известно другое – о премьере фильма С. М. Эйзенштейна (1898–1948) «Броненосец Потемкин», состоявшейся 21 декабря 1925 г. в Большом театре в Москве. Кстати, в октябрьские дни 1925 г. руководители ВОХИМУ и АУ провели дележ полномочий по части практической работы (например, заготовка и разлив ОВ по боеприпасам – ВОХИМУ, заготовка их корпусов – АУ; и т. д.). Эту работу пришлось продолжать и в будущем году [124].

За первым отчетом последовал второй. 4 февраля 1926 г. на заседании РВС СССР Я. М. Фишман доложил «О состоянии средств противогазовой обороны и химической борьбы и производства предметов военно-химического снабжения» [75]. Дискуссию завершил новый военный нарком К. Е. Ворошилов (1881–1969), а РВС СССР одобрил направление и план работы ВОХИМУ. Тем решением военным химикам было рекомендовано акцентировать внимание на аэрохимических способах нападения и обороны и применении ядовитых туманов. Для успеха работ было в очередной раз признано необходимым наличие «изолированного газового полигона, центральной химической лаборатории и опытных заводов». Тем же документом РВС было принято и весьма экзотическое на первый взгляд решение: постановлено «обеспечить за Военно-химическим управлением **влияние на направление развивающейся мирной химической промышленности** в целях плановой ее мобилизационной подготовки и **полный контроль над производством** военно-химической продукции». К сожалению, это решение – в расширительной форме – оставалось в силе долгие десятилетия, с тяжкими последствиями для химической промышленности страны и не только.

В те же февральские дни 1926 г. РВС СССР подвел итоги химической подготовки Красной армии за истекший год [297]. Такова была советская жизнь тех лет. С одной стороны, 5 октября 1926 г. на сцене МХАТа состоялась премьера «Дней Турбиных» М. А. Булгакова, не сходявшая с той сцены до тяжких дней 1941 г. Даже несмотря на то, что 25 октября 1926 г. лицо, называвшее себя критиком и журналистом А. Р. Орлинским, сообщило в Коммунистической академии, что М. А. Булгаков «вовсе не представляет собой столь значительного явления на поверхности и в глубинах нашей литературной жизни, чтобы о нем говорили как о явлении большого порядка». С другой – в последние дни 1926 г. был подготовлен еще один доклад о работе ВОХИМУ [76]. Среди знаний, которыми овладели военные химики, укажем такие. Я. М. Фишман сообщил, например, своему руководителю И. С. Уншлихту, что «**произведена сравнительная оценка действия иприта и люизита на кожу человека** и установлена токсическая доза каждого из них». Докладывалось и о первых испытаниях артхимснаряда с промежуточным дном – прообразе будущего бинарного химбоеприпаса [223].

Неудивительно, что именно в конце того же 1926 г. советские военно-химические специалисты «пошли в школу» – на военно-химических полигонах СССР начались многолетние испытания новейших образцов химоружия Германии, в частности, выливных авиационных приборов (ВАПов) [669]. Испытывались также химические фугасы, артхимснаряды, авиакимбомбы, а также наземные средства заражения. Дело было взаимовыгодное, поскольку в обмен на мощный толчок в развитии советского военно-химического дела СССР помог Германии развивать свое, в обход запретов Версальского трактата от 28 июня 1919 г. и Женевского протокола 1925 г. [55] (к последнему СССР присоединился в 1927 г. и даже ратифицировал его 5 апреля 1928 г.) [686].

Первые советско-германские испытания химоружия 1926 г. прошли на полигоне в Кузьминках (Москва) [669], на следующий год они были перенесены в район Оренбурга [673], а с 1928 г. и вплоть до 1933 г. совместная советско-германская активность базировалась на полигоне в районе Вольска [674, 677, 678].

Начались и организационные преобразования. В августе 1927 г. РВС СССР (после мартовской идеи Я. М. Фишмана) собрал воедино обе военно-химические службы, включив Инспекцию химподготовки в состав ВОХИМУ «с передачей ему функций военно-химической подготовки армии». Тем же решением ВОХИМУ были подчинены ХКУКС (бывшая ВВХШ) и химический полк [125, 127]. Тогда же, в 1926–1927 гг., появились инструкции о порядке хранения баллонов с ОВ [487] и химических снарядов [488] на складах и в воинских частях.

А осенью 1927 г. началось развертывание первых химических частей, которые положили начало химическим войскам сухопутных сил. И в сентябре 1928 г., в соответствии с решением

РВС СССР [69], они уже участвовали во Всесоюзных маневрах в районе Киева, где прошли первую школу взаимодействия с другими родами войск [301].

К тому времени пора было обзаводиться и головным «научным» центром. И 7 апреля 1928 г. РВС СССР создал Институт химической обороны (ИХО) РККА [153], впоследствии переименованный в Научно-исследовательский химический институт (НИХИ). Новый секретный институт, собравший под свою крышу многие лаборатории ВОХИМУ, имел своей главной целью подготовку страны к наступательной химической войне и поначалу собирался в немалой степени опираться на разведывательные данные («Задача ИХО в области химического нападения – искать новые ОВ на основе разведупровских материалов и тактических заданий, быстро их изготавливать в достаточных для полигонных испытаний количествах и проводить все необходимые проверочные испытания для представления образца в РВС для ввода на вооружение») [153]. Кстати, построен институт химической войны был не на военные деньги, а на народные подаяния. В 1927 г. в ответ на демарш главы МИД Великобритании О. Чемберлена (1863–1937), потребовавшего разрыва отношений с СССР, было раздута народное движение для отпора «агрессивным планам Англии и ее приспешникам в Европе поработить первое Советское государство». И в его рамках «общественные» организации («Авиахим» и сменивший его ОСОАВИАХИМ) 9 июня 1927 г. создали фонд «Наш ответ Чемберлену» и собрали с полуголодного населения большие деньги. Вот на эти народные деньги «общественники» и построили здание головного института химической войны – ИХО. И... подарили его армии.

Постановлением от 2 февраля 1929 г. [79] РВС СССР утвердил место размещения большого химического полигона Красной армии – возле г. Вольска (Саратовская обл.) в районе имени Шиханы. Его стали называть Центральным военно-химическим полигоном (ЦВХП), и вряд ли кто в стране знал, что первые советско-германские химические опыты прошли здесь еще в 1928 г. [674].

В мае 1929 г. ВОХИМУ собрало совещание начальствующего состава химической службы Красной армии и произвело, если можно так выразиться, смотр своих сил. Не забыли и про место Химкома в этом построении [128].

1.7. Военная химия в контексте первых пятилеток

Дальнейшие военно-химические дела неотделимы от контекста событий в стране. В 1929 г. Советский Союз начал выполнять свою первую пятилетку и, как было объявлено, будто бы решил ее задачи – построение фундамента социалистической экономики – за четыре года. А в 1933–1937 гг. осуществлялся второй пятилетний план, в рамках которого будто бы было построено социалистическое общество. В основном. Разумеется, гражданам не полагалось знать о провале советской промышленности, который случился в феврале-марте 1931 г. («рухнула» железная дорога). Известны были иные события: в июне 1929 г. в Москве прошел Всесоюзный съезд безбожников, в декабре 1929 г. страна активно праздновала 50-летие товарища И. В. Сталина (Джугашвили), в январе 1930 г. в Москве был запрещен колокольный звон, к 1 октября 1930 г. в Кремле был уничтожен Чудов монастырь, освободивший место для школы красных командиров (ныне ее наследники квартируют на территории бывшего химполигона в Кузьминках); а после подрыва 5 декабря 1931 г. храма Христа Спасителя немалая часть общества горевала об ушедшем. В свою очередь новая бюрократия получила приобретение: 10 июня 1931 г. между Ленинградом и Москвой начал курсировать первый в СССР фирменный поезд «Красная стрела».

Между тем на январском (1933 г.) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Л. М. Каганович сокрушался: «Мы мало расстреливаем». Впрочем, для тех, кого не расстреливали, тоже нашлась работа – 2 августа 1933 г. СНК СССР принял постановление «Об открытии Беломорско-Балтийского канала». В общем, в годы первых пятилеток контраст между тяжелой жизнью рядовых граждан и активностью в военно-химическом подполье проявился особенно рельефно. И если поначалу потребности военных химиков были не очень серьезные (на 1925–1926 гг. им было необходимо 5000 пудов иприта, 3000 пудов фосгена, 250 пудов хлорацетофенона и т. д.), то вскоре их планы выросли до наполеоновских. Вот, например, как выглядела в представлении Я. М. Фишмана динамика развития мощностей советской промышленности по особо близким его сердцу иприту и дифосгену (от октября до октября – и не в пудах, а уже в тоннах) [376]:

	1.X.1928	1.X.1929	1.X.1930	1.X.1931	1.X.1932
Иприт, т	5000	8000	15 000	18 000	22 000
Дифосген, т	100	300	1600	1650	1850

Важным событием было принятое в июле 1929 г. на политбюро ЦК ВКП(б) постановление «Об обороне». Оно предусматривало не только сохранение паритета с соседними странами по численности мобилизуемой армии, но и попытку обеспечения превосходства над ними в «двух-трех решающих видах вооружения». Разумеется, все это происходило в обстановке глубочайшей тайны – соседям об этих планах знать не полагалось (как и собственному населению).

Неудивительно, что военные химики очень старались оказаться среди тех «двух-трех решающих». И работа шла по всем направлениям. Представление о той активности дает только перечисление крупных полигонных и войсковых испытаний химоружия на полигонах страны, а также вне полигонов, которые ВОХИМУ провел в обстановке секретности только в 1929–1931 гг. [305, 312, 535]:

- март-апрель 1929 г. – войсковые испытания авиахимбомб АХ-8, АХ-16 и АХ-32 в снаряжении ипритом (Лужский артполигон, Ленинградская обл.) [302];
- июнь-июль 1929 г. – военно-химическая экспедиция в Среднюю Азию (Туркменистан, Узбекистан) для использования ОВ против басмачей и саранчи [303];

- август 1929 г. – испытания авиахимбомб АХ-8, АХ-16 и АХ-32 в снаряжении ипритом (Дретуньский арtpолigon, Витебская обл.) [306];
- февраль-март 1930 г. – зимние опытные испытания различных видов химоружия, в том числе химических и осколочно-химических артснарядов и ЯД-шашек (Лужский арtpолigon) [308];
- март 1930 г. – зимние войсковые испытания авиахимбомб АХ-8, АХ-16 и АХ-32 в снаряжении ипритом (Дретуньский арtpолigon) [306];
- март 1930 г. – исследование проникновения паров и дымов ОВ в ж/д вагоны различных типов, заражение и дегазация полотна и ж/д сооружений (ст. Шуерецкая, Карелия) [307];
- август 1930 г. – опытные стрельбы артхимснарядами калибра 76 мм, 122 мм и 152 мм в наполнении нестойкими НОВ – фосгеном и дифосгеном (химический полигон Фролищи, Нижегородская обл.) [305,310];
- сентябрь 1930 г. – изучение боевой эффективности ядовито-дымных (адамсит и хлорацетофенон) и газовых (фосген и смесь фосгена с хлором) волн в полевых условиях (район Астрахани) [305, 311];
- сентябрь-октябрь 1930 г. – широкие войсковые испытания по боевому применению ВАП-4 с высот до 1000 м (положение о полигоне позволяло выливание ОВ лишь с высот ниже 500 м) (химический полигон Шиханы, Саратовская обл.) [228, 305];
- март 1931 г. – изучение боевой эффективности ядовито-дымных (адамсит и хлорацетофенон) и газовых (фосген, хлор и смесь фосгена с хлором) волн в полевых условиях (район Ново-Орска, Оренбургская обл.) [313];
- 1 августа – 15 сентября 1931 г. – большие тактико-технические испытания химоружия. Проверка средств химического нападения перед их постановкой на вооружение (мортир Стокса, боевых химических машин, химических фугасов, ЯД-шашек); тогда же прошел боевую проверку и «Боевой устав химических войск РККА» (химический полигон Фролищи, Нижегородская обл.) [312];
- 27 ноября 1931 г. – демонстрация членам РВС СССР новых средств химического нападения (химический полигон Кузьминки, Москва) [535].

Столь же важна и деятельность ВОХИМУ 1931 г. по созыву различного рода встреч и конференций среди «своих», где, по существу, фиксировались изменения в заново образованной военно-химической бюрократии [70]. Между 1-м и 20 апреля 1931 г. состоялась серия конференций армии с многочисленными гражданскими институтами и университетами, и от них требовалось содействие в выполнении задач ВОХИМУ (синтез новых ОВ, токсикология и т. д.) [70]. 3–6 апреля 1931 г. в ВОХИМУ состоялась конференция по иприту, подытожившая работы по выпуску этого СОВ, снаряжению им снарядов, по вопросам хранения иприта и формированию планов на будущее [180] (предыдущая конференция по иприту состоялась еще в декабре 1929 г.). Чуть позже, 12–16 мая, ВОХИМУ провел конференцию по ядовитым дымам – производству, боевому применению, токсикологии. А 3–7 июня состоялась созванная ВОХИМУ и Военно-санитарным управлением (ВСУ) РККА конференция по токсикологии ОВ и медико-санитарным вопросам подготовки к химической войне [539].

Чтобы понять умонастроение лидеров военно-химического дела тех лет, достаточно прочесть тезисы одного из сообщений последней конференции: «...В целях изучения чувствительности кожи кролика и человека к иприту наносились растворы этого ОВ в ацетоне... Опыт производился на предплечье человека, спинке, брюшке и ухе кролика... Нанесение производилось на площади 1 квадратный сантиметр... Опыты показали, что кожа кролика является более чувствительной к иприту, чем кожа человека... На малых дозах кожа смуглых людей реагирует интенсивнее, чем светлая кожа. При крупных дозах кожа рыжих и блондинов в большинстве случаев дает более сильную реакцию... Женщины с любой окраской кожи дают реакцию более

быструю и интенсивную, чем мужчины. Подростки обоих полов реагируют еще сильнее, чем женщины» [539].

Свои достижения и планы Я. М. Фишман изложил в специальном докладе, где был подведен итог его успехам по состоянию на 1 апреля 1931 г... И он без всякого чувства юмора поведал, как весь конец 20-х гг. ВОХИМУ пыталось достичь успеха одновременно на всех направлениях подготовки к наступательной химической войне: в производстве многих ОВ, в разработке всего типажа возможных образцов артхимснарядов и авиахимбомб, в создании средств наземного и воздушного распыления ОВ, в конструировании химфугасов, в разработке газометов и химических минометов и т. д. [70]. Такой тотальный подход, без выделения приоритетов и определения последовательности решения задач, был явно ошибочен. И неудивительно, что его «результаты» получили суровую оценку при проверке деятельности ВОХИМУ в августе 1930 г. военно-морской инспекцией РКИ, а также на последующем заседании РВС СССР. Тем более что сама инспекция неотделима от проходившей в стране борьбы с «вредителями» [394].

Впрочем, несмотря на суровую оценку деятельности ВОХИМУ (РВС СССР в постановлении от 22 февраля 1931 г. однозначно указывал, что «военно-химическое дело в РККА продолжает быть наиболее отсталым во всех отношениях» [131]), сам его начальник Я. М. Фишман избежал ответственности за очевидное отсутствие достижений, кроме разгрома «вредителей». В те годы он еще принадлежал к клану тех, кто имел возможность расплачиваться другими.

Очередные организационные решения в военно-химической службе были связаны с высоким статусом, который она обрела к тому времени. Это за воротами военных казарм писателям 20 мая 1932 г. велели придерживаться «социалистического реализма», а наркомат снабжения под руководством А. И. Микояна (1895–1978) принял 12 сентября 1932 г. постановление «О введении рыбного дня на предприятиях общественного питания». 4 декабря 1932 г. декретом было запрещено выдавать продовольственные карточки «тунеядцам и паразитам». А в новой армии все было иначе. 13 мая 1932 г. приказом РВС СССР была создана Военно-химическая академия (ВХА) РККА. Она была образована на базе военно-химического отделения Военно-технической академии им. Ф. Э. Дзержинского (Ленинград) и 2-го Московского химико-технологического института. С 1935 г. ВХА обрела имя К. Е. Ворошилова – большого энтузиаста химической войны. В том же году была сформирована военно-химическая школа в Твери (Калинине), которая в годы войны перебралась в Кострому. Потом школа обрела статус и военно-химического училища и даже института. А в настоящее время она получила очередное повышение в связи с переносом из Москвы, на Волгу на костромскую базу Военно-химического университета – наследника ВХА им. К. Е. Ворошилова. Похоже, это уже на долгие годы. Произошли изменения и в мозговом центре военной химии. Приказом РВС от 8 июля 1932 г. название должности Я. М. Фишмана было существенно изменено. Теперь он стал называться начальником ВОХИМУ и химических войск РККА. Кстати, ВОХИМУ в это время перешло из числа простых управлений в разряд центральных.

О военно-химических достижениях тех лет дает представление изданный в 1933 г. справочник, обобщивший боевые характеристики химоружия [288].

Важной вехой стал объявленный 21 апреля 1933 г. приказом РВС СССР план армейских учений 1932/1933 учебного года [314]. Принципиальная особенность того приказа: **учения** должны отныне проводиться с **действительными ОВ**. Так химоружие вышло на широкие просторы боевой армейской практики. Приказ подписал энтузиаст химической войны М. Н. Тухачевский. Отметим, что работы с действительными ОВ по всей стране продолжались вплоть до самой войны [351, 359].

На рубеже 1933–1934 гг. был выполнен большой смотр сложившихся токсикологических сил. В декабре 1933 г. в Харькове и в феврале 1934 г. в Ленинграде на токсикологических конференциях профессура доложила о своих успехах в исполнении «оборонного заказа».

Как довольно отметил Я. М. Фишман, выполненные токсикологами работы «поднимают нашу советскую военную токсикологию на новую, более высокую ступень, являясь тем самым ценным вкладом в дело обороноспособности» [70].

Недюжинная активность Я. М. Фишмана привела к тому, что химоружие очень интересовало руководство страны. Так, в октябре 1933 г. химический полигон в Кузьминках, близ Москвы, посетил весь пленум РВС СССР, которому были продемонстрированы все «средства химического вооружения РККА» в действии. А вскоре химическая атака с применением танков была показана уже членам советского правительства во главе с И. В. Сталиным. И вождь даже дал совет: спешно создать химический танк в качестве подарка к грядущему съезду ВКП(б). Первые испытания химического танка БТ состоялись уже весной 1934 г. [146]. Более того, в июле 1934 г. на том же полигоне побывали два наркома – К. Е. Ворошилов и Г. К. Орджоникидзе (1886–1937), и в их присутствии было испытано новое ОВ, поражавшее людей не через органы дыхания, а только через кожу [199].

Серьезной общеполитической проблемой тех лет считалось «прикрытие» советской границы от Байкала до Владивостока [304]. Среди прочего эта проблема вставала в связи с перешедшим в хроническую форму конфликтом на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), которая лишь в 1935 г. была продана властям Маньчжоу-го, став Китайской Чанчуньской железной дорогой.

Разумеется, практические дела начались с заседания РВС. Советскому народу февраль 1934 г. был памятен главным образом двумя событиями. 9 февраля в Москве на Красной площади состоялся грандиозный парад в честь «съезда победителей» – XVII съезда ВКП(б). А еще в феврале 1934 г. в Арктике был раздавлен во льдах пароход «Челюскин», после чего состоялась героическая операция по спасению той экспедиции группой летчиков. Ну, может быть, кто-то помнит об изданном 25 февраля 1934 г. декрете ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране выхухоли». А вот для истории советской подготовки к наступательной химической войне было важно мало кому известное заседание РВС СССР, состоявшееся 26 февраля 1934 г. На том заседании К. Е. Ворошилов обсудил важнейшую для армии тех лет проблему: «контроль выполнения начальниками центральных управлений мероприятий по обеспечению ОКДВА» – Особой Краснознаменной дальневосточной армии [398]. И на этом фоне не мог не оказаться на месте и Я. М. Фишман с голубой мечтой о создании в стране резерва иприта в 1000 т и вообще с мечтой о «химическом прикрытии» восточной границы.

Началась та авантюра еще раньше – с постановления СТО СССР от 11 июля 1933 г., которым на народный комиссариат тяжелой промышленности (НКТП) СССР было возложено строительство специальных емкостей на 1000 т иприта. Они должны были находиться в районе действия ОКДВА, но в составе мобилизационного резерва страны по линии Комитета резервов СТО. В следующем году емкости были созданы, и встал вопрос об их заполнении, для чего необходимо было выделить государственные фонды на сырье для выпуска партии иприта – 450 т рафинированной серы, 800 т этилового спирта и 10 тыс. железных бочек для транспортировки [103]. В рамках той активности в 1933–1934 гг. решением РВС в ЗабВО, ОКДВА и на ТОФ были созданы специальные военно-химические склады, которые предназначались для «прикрытия» протяженной границы в Азии: № 140 (Красная Речка – Хабаровск), № 147 (Лесной, Читинская обл.), № 148 (Свободный, Амурская обл.), № 150 (Сунгач, Приморский край), № 300 (Кнорринг, Приморский край), № 301 (Воздвиженский, Приморский край). На 1 марта 1934 г. в ОКДВА уже находилось на хранении 609 т ОВ, а к 1 января 1935 г. предполагалось иметь уже 2000 т (1000 т – по линии ВОХИМУ и 1000 т по линии Комитета резервов) [472].

В табл. 2 собраны данные, по возможности, о всех складах ОВ и вообще химического вооружения, которые были сформированы в предвоенные годы.

В общем, повторимся, никто в обществе тех лет не знал, что в апреле-мае 1934 г. ударным порядком была произведена первая партия в 1000 т иприта (с использованием фондируе-

мых серы и этилового спирта) [397, 398]. То была операция, в рамках которой была проверена мобилизационная готовность страны к наступательной химической войне и в которой участвовали многие министерства и ведомства. Операция была столь же масштабной, сколь и тайной. А народу в 1934 г., помимо героических подвигов летчиков, была выдана знаменитая книга «Канал имени Сталина», изданная под редакцией А. М. Горького (Пешкова). Книга про Беломорканал. Поначалу, однако, состоялась «газовая атака». 3 марта 1934 г. начальник ВОХИМУ Я. М. Фишман пожаловался в Комиссию советского контроля на невыполнение постановлений правительства о создании цистерн для перевозки иприта и хранилищ для него в ОКДВА, о выпуске самого иприта и о наполнении тех хранилищ; 4 марта письмо на имя заместителя председателя СНК СССР В. В. Куйбышева (1888–1935) направил заместитель военного наркома М. Н. Тухачевский; а 10 марта в ход пошла тяжелая артиллерия в виде письма самого наркома и председателя РВС К. Е. Ворошилова в адрес председателя СТО и СНК СССР В. М. Молотова-Скрябина (1890–1986). Не был забыт и НКТП: 13 марта 1934 г. Я. М. Фишман лично напомнил замнаркома Г. Л. Пятакову (1890–1937) о постановлении, согласно которому «на НКТП было возложено строительство специальных емкостей на 1000 т для ОВ в ОКДВА». А чтобы уже вышедшее постановление СТО СССР не замотали, 19 апреля из ВОХИМУ поступило письмо-предупреждение в особый отдел ОГПУ с поименным указанием возможных саботажников [398].

И крепость пала. Начало «ипритной вахте» положило постановление СТО СССР от 4 апреля 1934 г. [398]. В нем НКТП СССР было предписано изготовить к 1 мая партию иприта – 400 т на заводе в Чапаевске и 600 т на заводе в Сталинграде. Для этого Комитет резервов должен был отпустить 400 т серы, а наркомат снабжения – 800 т спирта. Далее, армия должна была обеспечить приемку иприта у заводов, а НКПС – сформировать маршрут 50-тонных цистерн и доставить его с завода в Сталинграде на Дальний Восток (в Чапаевске ипритом должны были наполнять бочки). Армии же было предписано наблюдать за продвижением маршрутов с ипритом, а ОГПУ (т. Ягода) – «оказать содействие по продвижению маршрутов и обеспечить безопасность движения». Нашлись дела и другим ведомствам: НКТП должен был обеспечить готовность хранилищ в пяти пунктах к приему иприта, НКПС – завершить строительство к ним подъездных путей, а ВОХИМУ – охрану (причем за счет Комитета резервов, поскольку склады лишь формально были армейскими, а на самом деле были государственными).

Табл. 2. Предвоенные специализированные склады хранения ОВ и химического вооружения

Населенный пункт	Регион	Номер	Образование	Мощность (в вагонах)
Запад				
Баранович	Брестская обл.	840		
Белозерье	Черкасская обл.	396	1937	
Лида	Гродненская обл.	833		
Львов		587		
Ржаница	Брянская обл.	137	1932	640
Селещино	Полтавская обл.	276 (142)		
Восток				
Бердск	Новосибирская обл.	626		
Воздвиженский	Приморский край	301		
Кнорринг	Приморский край	300		
Лесная	Читинская обл.	147		
Омск-Московка		25		
Свободный	Амурская обл.	148	1934	
Сунгач	Приморский край	150	1934	289
Хабаровск-Красная речка		140	1932	273
Чита-II		139		200
Центральные, окружные и другие склады				
Арысь	Казахстан	415		
Горный	Саратовская обл.		1936	
Ильино	Нижегородская обл.	405	1936	
Кузьминки-Москва				
Новочеркасск	Ростовская обл.	692		
Очаково	Москва	136	1917	700
Ревда	Свердловская обл.	691	1938	
Ростов-Ярославский	Ярославская обл.	141 (51)	1918	376
С.-Петербург-Гатчина	Ленинградская обл.	302	1934	
Тбилиси-Навтлуг	Грузия	693		
Тверь (Калинин)		138	1926	300
Чапаевск-Покровка	Самарская обл.	433	1918	
Шиханы	Саратовская обл.	303	1933	186

Кстати, нашлось занятие и самому Я. М. Фишману – он должен был лично проверить состояние хранилищ и дать разрешение на начало движения ипритных маршрутов. Кроме того, Я. М. Фишман должен был в порядке опыта организовать пробег цистерны с ипритом по учебному маршруту Сталинград – Шиханы, с тем чтобы этот опыт был немедленно использован в боевом пробеге эшелона по маршруту Сталинград – Дальний Восток [398].

Вся эта ударная работа действительно была выполнена в течение апреля-мая. Однако она не могла не обрести трагическими деталями и в целом не принесла радости ни стране, ни людям. Цена скоростного выпуска 1000 т иприта для прикрытия беспокойной границы оказалась даже для тех жестоких времен непомерной. Официально называлось, что на химзаводе в Чапаевске пострадало более 87 % участников ударной вахты (директор завода писал, однако, что кадры «поголовно вышли из строя», причем один из участников вахты погиб [397]). На заводе в Сталинграде «поражены были почти 100 % работавших». Последние слова принадлежат Я. М. Фишману, и написаны они были в отчетном письме заместителю наркома М. Н. Тухачевскому. А венцом письма стала констатация: «Выполнение задания... с полной очевидностью выявило отсутствие мобилизационной готовности заводов». Кстати, в Чапаевске во время той ударной вахты, а именно 29 апреля 1934 г., случился пожар с участием иприта [397]. Впрочем, вряд ли это взволновало кого-либо в Москве.

Более чем явная неготовность военно-промышленной системы страны к работе с таким трудным ОВ, как иприт, никого не остановила, а жертвы тогда никто не считал. В 1935 г. «ударный» выпуск партий иприта для пополнения стратегического резерва продолжился. К 1936 г. у страны появилось уже «два очага военной опасности. Первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии. Второй очаг находится ныне в Германии» (И. В. Сталин, из беседы с т. Рой Говардом, «Правда», 5 марта 1936 г.). Таким образом, «глядеть в оба» в 1936 г. надлежало не только на Восток, где хозяйничала империалистическая Япония, но и на Запад, где плохое замышляла нацистская Германия и активно применяла химоружие в Эфиопии фашистская

Италия. Тем не менее интерес к восточному направлению оставался первостепенным, и на него работала вся государственная машина. В общем, военно-химическая служба Советского Союза была на подъеме. Табл. 3 дает некоторое представление об этом процессе. Отметим, что именно с начала 30-х гг. идея иметь неприкосновенный запас (НЗ) по линии химоружия материализовалась в стране на долгие десятилетия.

Табл. 3. Расход военно-химического имущества в Красной армии в 1929–1934 гг. [414]

Годы	Иприт, т		ЯД-шашки, шт.		Химические фугасы	
	Учеба	НЗ	Учеба	НЗ	Учеба	НЗ
1929	12	-	3800	-	-	-
1930	12	-	13000	-	-	-
1931	30	30	10000	-	-	-
1932	100	312	130000	86000	10000	-
1933	250	485	85000	101000	-	-
1934	320	680	95000	125000	2500	17500

Кстати, в середине 30-х гг. ВОХИМУ обзавелся и более высоким статусом в армии. Он был закреплен в ноябре 1934 г. в постановлении ЦИК СССР и СНК СССР, которым было утверждено «Положение о народном комиссариате обороны СССР». Было установлено, что «Химическое управление РККА является центральным органом народного комиссариата обороны Союза ССР по обеспечению РККА химическим имуществом и руководству химической подготовкой РККА» [132]. Руководство ХИМУ, заменившего собою ВОХИМУ, приказом по НКО от 7 декабря 1934 г. было возложено на второго заместителя наркома обороны М. Н. Тухачевского. Положение военно-химической службы и химических войск и уровень решавшихся ими задач, которые сложились к середине 30-х гг., видны из приказа наркома обороны К. Е. Ворошилова «Об итогах боевой подготовки РККА за 1935 и задачах на 1936 г.», изданного 28 декабря 1935 г. Одной из важнейших задач химической подготовки Красной армии было приказано считать «методы массированного использования в бою химических средств нападения с помощью авиации, артиллерии и спецмашин».

1.8. Дом, который построил Фишман

Военно-химический дом, который соорудил эсер Я. М. Фишман, оказался совсем не тем, который в годы Первой мировой войны начал возводить академик В. Н. Ипатьев. С воцарением в военно-химическом ведомстве РККА Я. М. Фишмана отсюда выветрился дух основателей российского военно-химического дела – дореволюционных интеллигентов-артиллеристов. Зато, начиная от эсера, «дипломированного химика», будущего комкора и з/к образца 1937 г. Я. М. Фишмана и кончая «кандидатом технических наук» и «лауреатом Ленинской премии» образца 1991 г. генералом С. В. Петровым, руководители разбухшей и самодостаточной военно-химической корпорации не избежали обычной для подобного рода структур болезни – болезни руководящей спеси.

12 августа 1926 г. академик В. Н. Ипатьев подал в отставку, а в 1927 г. уехал из страны.

К началу 30-х гг. Я. М. Фишман завершил полный организационный поворот в работе ВОХИМУ [70], в результате чего вместе с «вредителями» из него начисто исчез дух основателей военно-химического дела первых лет. Расправа с обширной группой предшественников и конкурентов, завершившаяся арестом крупнейших специалистов (проф. Е. И. Шпитальского, проф. А. А. Дзержковича и многих др.), выдавливанием из страны ведущих ученых-химиков, таких как академики В. Н. Ипатьев и А. Е. Чичибабин, отодвиганием других выдающихся ученых-химиков, а также специалистов среднего звена, потребовала от всего руководства ВОХИМУ и лично от Я. М. Фишмана создания совершенно нового слоя руководителей и исполнителей работ. Формирование новой военно-химической бюрократии («кухаркиного» разлива) состоялось. Впрочем, для трудящихся в стране шла другая игра: 31 августа 1935 г. А. Г. Стаханов за ночную смену превысил норму добычи угля в 14 раз, и это достижение было разрекламировано по первому разряду, 24 октября на Спасской башне Кремля двуглавого орла заменила яркая рубиновая звезда, а 17 ноября И. В. Сталин прямо сообщил и стахановцам, и всему народу: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее» [714]. Впрочем, 1 декабря на совещании комбайнеров И. В. Сталин сделал важное по тем жестоким временам уточнение, что «сын за отца не отвечает». Не говоря уже о том, что с декабря 1935 г. жителям столицы и всему народу была предоставлена возможность любоваться достижением социализма – только что возведенной гостиницей «Москва» (дело прошлое, но качество строительства было таково, что в начале XXI века ее пришлось разрушить и возвести заново).

От ХИМУ РККА неотделима и кампания по поиску «врагов народа», развернутая в 1936–1938 гг., внимание народа от которой отвлекалось шумными реляциями о ряде иных событий – международных полетах экипажей летчиков В. П. Чкалова и М. М. Громова и т. п. Проходила она по проверенному сценарию. Как и борьба с вредителями 1929–1930 гг. [394], новая кампания началась с инспекции, насланной на ХИМУ на рубеже 1935–1936 гг.

Первый доклад об общем состоянии военно-химического дела, который был послан комкором Н. В. Куйбышевым (1893–1938) – членом бюро КПК при ЦК ВКП(б), руководителем группы по военно-морским делам – И. В. Сталину, Н. И. Ежову, В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову еще 13 декабря 1935 г., был в целом кисло-сладким [133]. Инспектор, оценивая общее состояние дела как «полное благополучие», тем не менее заложил мину, указав на такой недостаток, как отсутствие в армии противогаса для летчиков и танкистов. Руководитель ХИМУ Я. М. Фишман не понял вектора развития ситуации и подложил наркому обороны на подпись письмо с полным неприятием той справедливой критики.

Тогда 7 февраля 1936 г. Н. В. Куйбышев дал новый залп, предметно доказав полную непригодность противогаса «БС» для работы летчиков и танкистов в боевых условиях («Снабжая этим противогазом авиацию и танковые части, ВОХИМУ РККА фактически оставляет их в боевых условиях беззащитными от химического нападения противника») и предложив обсу-

дить вопрос о резком усилении противохимического вооружения армии на заседании Комиссии обороны (КО) Совета труда и обороны (СТО) СССР [333].

Из филлиппик людоедских лет:

«ЦК ВКП(б) тов. Сталину

КПК при ЦК ВКП(б) тов. Ежову

СТО СССР тов. Молотову

НКО СССР тов. Ворошилову

...Одиннадцать лет существует военно-химическое управление. Одиннадцать лет во главе этого управления стоит его начальник тов. Фишман. Имеется немалое количество квалифицированных инженеров-химиков. Имеется мощный научно-исследовательский химический институт. Имеется много образцов химического вооружения...

И за одиннадцать лет своего существования руководство химической службы РККА не только не удосужилось обеспечить авиацию и танковые части специальным противогазом, но до сих пор не сумело даже выработать годных образцов этих противогазов...

Поэтому прошу ускорить заслушивание на заседании Комиссии обороны вопрос о состоянии химической службы РККА.

Член бюро КПК при ЦК ВКП(б),

руководитель группы по военно-морским делам

Н. Куйбышев, 7 февраля 1936 г.» {[333].

Однако Я. М. Фишман не понял и этого сигнала и вновь не принял критики.

В ответ Н. В. Куйбышев послал «наверх» третью записку «О состоянии и хранении запаса химического вещества РККА». В сообщении от 5 марта он не только доказал «полное неблагополучие» в рассматриваемом деле, но и обосновал «несостоятельность и безответственность руководства военно-химическим делом РККА. Мало того, что армия не располагает в настоящий момент достаточными средствами защиты, мы не умеем хранить того небольшого имущества, которое есть на вооружении РККА» [474]. В порядке реакции на это К. Е. Ворошилов поднял вопрос на принципиальную высоту, послав 11 марта 1936 г. И. В. Сталину и В. М. Молотову подготовленный опять ничего не понявшим Я. М. Фишманом специальный доклад «О состоянии военно-химической службы РККА». Здесь не только по традиции был сделан упор на милой сердцу И. В. Сталина наступательной химической мощи РККА, но и предложено вопрос о наступательной составляющей военной химии рассмотреть на КО СТО СССР [134].

Временное затишье в этой яркой подковерной военно-химической битве наступило в конце апреля. 19 апреля Н. В. Куйбышев подверг критике несколько положений доклада К. Е. Ворошилова под опасным для тех людоедских дней флагом – «Правительство вводится в заблуждение». А маршал К. Е. Ворошилов направил 23 апреля 1936 г. еще одну записку, на этот раз всем трем адресатам – И. В. Сталину, В. М. Молотову и Н. И. Ежову. Обвинив комкора Н. В. Куйбышева в «тенденциозности» во всех его записках, он попросил о постановке всего вопроса в целом на ближайшем заседании СТО [134]. Потом в дискуссии настала пауза. Однако обсуждение состояния военно-химического дела на заседании КО СТО состоялось. Это случилось 27 мая 1936 г., и вопрос рассматривался по лекалам М. Н. Тухачевского и Я. М. Фишмана – в наступательной плоскости.

Что до истинных причин событий, внешне вылившихся в противостояние комкоров Н. В. Куйбышева и Я. М. Фишмана, то они были затушеваны на год. И вряд ли в кремлевских кабинетах кого-то волновала судьба именно химического комкора Я. М. Фишмана – просто его шеф маршал М. Н. Тухачевский еще пребывал в зените славы (маршалом М. Н. Тухачевский стал совсем недавно – 20 ноября 1935 г. – вместе с К. Е. Ворошиловым и С. М. Буден-

ным, которым, впрочем, это не помешало вскоре провести интригу против М. Н. Тухачевского, закончившуюся его арестом, скорым несправедливым судом и смертью).

Свой последний документ бывший террорист и эсер, а потом многие годы главный химик Красной армии Я. М. Фишман написал 25 апреля 1937 г. [142]. Машина поиска врагов, которая была запущена со второй половины 20-х гг. и которая под руководством Я. М. Фишмана привела к полному разгрому научно-артиллерийской группы в военно-химической службе, доставшейся Красной армии в наследство от армии царской, и замене ее «кухаркиной» когортой, в конце концов обернулась против инициатора гонений. Однако, в отличие от М. Н. Тухачевского, расстрелянного в июне 1937 г., его деятельный помощник по линии «химии» Я. М. Фишман не погиб, а получил срок. Впрочем, получил срок лишь в мае 1940 г., после чего провел немало лет в зоне и даже дожился до реабилитации в 1955 г. (не будем забывать, что пик пыток пришелся на ночь с 17-го на 18 августа 1937 г., и у многих было, о чем подумать) [683].

Наутро 26 апреля 1937 г. лицо, занявшее кабинет начальника ХИМУ РККА Я. М. Фишмана, не стало передавать написанную им от руки и еще не напечатанную «Справку о состоянии и организации химических войск и химической службы РККА» [142] в руки машинистки – у нового начальника были свои приоритеты. Предстояла чистка славных рядов от «пробравшихся» врагов.

Вряд ли в дальнейшей деятельности военно-химической службы можно найти что-либо примечательное, хотя реформы продолжались и при новом руководстве [136]. Общество скорее порадовалось тому, что 21 января 1938 г. «Правда» назвала СССР «надеждой всего прогрессивного человечества». А вот об очередных реорганизациях химической службы, предпринятых в 1938 г. и в последующие годы, общество не знало и не могло знать ничего. В частности, не знало оно о той реорганизации, что была произведена приказом наркома от 8 июля 1938 г. Впрочем, она не имела принципиальных особенностей, разве что констатировала экспансию химической службы в другие виды вооруженных сил, в частности, образование мощных самостоятельных служб на флоте и в авиации. Что касается взаимоотношений сотрудников, то оно затихло в 1939 г. изгнанием из ХИМУ М. И. Степанова, унаследовавшего пост начальника, скорее всего, не совсем справедливо. А вот исполнитель заказа на поиск врагов Н. В. Куйбышев пострадал еще в 1938 г.

Перед Отечественной войной приказом НКО от 26 июля 1940 г. военно-химической службе было дано «оборонительное» название, не соответствовавшее содержанию деятельности, – Управление военно-химической защиты Красной армии. Впрочем, этот камуфляж не обманул генералитет армии фашистской Германии, с которой сталинский СССР незадолго до того установил отношения «дружбы и сотрудничества». С началом войны все встало на свои места, и приказом НКО от 13 августа 1941 г. название военно-химического органа было приведено в соответствие с реальным содержанием его работы – Главное военно-химическое управление (ГВХУ). Однако заняться решением задач наступательной химической войны ГВХУ (а также авиации, артиллерии и бронетанковым войскам) в годы войны не пришлось: армиям Гитлера и Сталина, похоже, было удобнее не вводить этот вид оружия в ее оборот. Хватало и других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.